

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лыжина, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 62 (913)

Воскресенье, 22 декабря 1940 г.

Цена 30 коп.

ТВОРЧЕСТВО И ОРГАНИЗАЦИЯ

Открывая Первый Всесоюзный съезд советских писателей, Алексей Максимович Горький говорил:

«Наша цель — организовать литературу как единую, культурно-революционную силу».

Нельзя ли более кратко и в то же время так ясно определить смысл существования Союза писателей, как организации, объединяющей многонациональную советскую литературу. Новая социальная обстановка создала новые условия развития литературы. Социализм ликвидировал извечный разрыв между идеалами, какими жила литература, и действительностью, между мечтой художника и окружающим его миром. Духовной, идеологической основой литературного творчества стал коммунизм, как реальная программа, воплощаемая в жизнь самим народом. Мобилизация творческих усилий художников, отдавших свои таланты и дарования народу, идущих вместе с народом в его исторической борьбе за коммунистическое бытие человечества, — такова цель и задача Союза писателей. Именно в этом и заключается принципиальное значение и содержание организационной работы объединения советских писателей. И если, исходя из этих общих требований, перейти к состоянию организационной практики Союза писателей, оценка ее отнюдь не может быть удовлетворительной. Недостатки ее особенно резко бросаются в глаза в наши дни, когда перед литературой встал очень сложный творческий вопрос, когда со всей остротой поставлен вопрос о коммунистическом воспитании писательских кадров.

Мы часто повторяем слова об огромном воздействии литературы и искусства на массы, не вдумываясь, в содержание, в их глубокое конкретное содержание. А стоит вдуматься в это содержание, чтобы понять глубину ответственности перед массами. Точно так же много мы говорим о необходимости организации литературно-художественной жизни без учета того, что организация обязательно предполагает первую сумму практических дел, пусть иногда мелких, на первый взгляд малозначущих, но в целом составляющих систему повседневных мероприятий, содействующих творческому росту писателей.

Труд литератора, в узком смысле слова, индивидуален. Против этого спорить не приходится. Но писатель — не кустарь-одиночка, который связан только с своим товаром. Связи и взаимоотношения с окружающим миром у полдюжины художника слова неизмеримо глубоким и сложным, иногда трудно уловимым. Материалом для творчества ему служат настроения, психология общественной среды, общественная жизнь во всем многообразии ее проявлений. Писатель по своему призванию — общественник, гражданин в самом высоком понимании этого слова. В условиях советского строя жизнь писателя вне организации равносильна отрыву от источников, питающих его творчество.

Тем более прискорбно, что у некоторых писателей до сих пор сохранилось в корне ошибочное, бы бы сказало, инстинктивное отношение к организационной работе, как к чему-то третейственному, ненужному. В рассуждениях о том, что там-то организация ни к чему, слышались абсолютно неверные нотки противопоставления творческих задач задачам организационным, и это заставляло со всей резкостью поставить вновь вопрос о качестве нашей организационной практики, тем более, что в последнее время специфика писательского труда стала выставляться в качестве своеобразного прикраса организационной расхлябанности.

Какова бы ни была специфика писательского труда, организационная работа занимала и будет занимать подобающее ей очень важное место в общественной жизни литераторов, в коммунистическом воспитании старых и молодых кадров нашей литературы.

«Успех дела зависит от организационной работы». — это старинное определение относится к литературе в такой же степени, как и ко всякому другому делу. И когда это старинное положение забывается писателями, от этого страдают и интересы отдельных писателей и интересы литературы в целом. В нашем распоряжении имеется достаточно фактов, свидетельствующих о том, как в каком печальном результате приводит организационная аморальность, какой урон творческим интересам наносит фетишизация этой самой «специфики». Можно в подтверждение привести хотя бы такой факт. Безызвестно, что при проведении декады азербайджанской литературы неслучайно были забыты прозаики. Нечетко в подготовке декады, забвение элементарных принципов всякой организации привели к ошибке принципиального свойства: азербайджанская литература была представлена на декаду односторонне. Как бы богата ни была поэзия азербайджанцев, всю литературу республики свести только к ней — неправильно. В Азербайджане существует и развивается — и в последние годы не плохо — художественная проза. Несомненно, творческим интересам азербайджанской литературы из-за организационной неполноценности декады был нанесен ущерб.

Старым и, к сожалению, вечно новым вопросом в литературно-общественной жизни остается плохая работа секций и комитетов Союза писателей. Номинally секции существуют и в Москве, на улице Воровского, и в союзных писательских республиках. Действительная же роль их сведена к нулю, так как вселюбие слабости организационной работы.

Механическое распределение сил по жармам привело к обособлению критики, к отрыву ее от литературы в собственном смысле слова. Здравый подход к делу говорит, что критик обязан и может работать только в тесной связи с прозаиком, драматургом, поэтом, что искусственный разрыв между решающими отраслями литературы, существование отдельной секции критиков, вредит и литературе и критике.

Надо думать, что исправление этой ошибки внесет оживление в творческую работу секций. Правда, при обязательном условии, что во главе секций будут стоять литераторы, любящие общественную деятельность, склонные к организационной работе, достаточно авторитетные, чтобы объединить соратников по перу в жизнедеятельные коллективы, разрешающие творческие вопросы со знанием дела по существу, а не в порядке отбывания скучной повинности.

В подборе людей для руководства разными отделами общественной и творческой деятельности Союза писателей надо исключить элементы случайности и недоуменности, чтобы потом не платить за организационную оплошность слишком дорогой ценой творческих сыров и неудач. Культура организации прежде всего заключается в точном учете способностей и подготовленности того или иного работника к исполнению поручаемого ему дела, в умении из десятков и сотен кандидатов выбрать наиболее подходящего, в умении вывинуть талантливую личность и помочь ему развернуться. Искусство организации заключается в смелом доверии к молодым кадрам. Приемом такой культуры, такого искусства для писателей должна быть партия, накопившая громадный опыт организации, воспитания кадров. У нее же надо учиться искусству контролировать работу выдвигаемых людей.

Союз писателей — демократическая организация, одной из характерных черт которой является строгая ответственность как избранных, так и назначенных исполнителей перед общественностью. Откровенно говоря, эта наиболее сильная сторона социалистической демократии — ответственность перед массой — слабо чувствуется в жизни нашей литературы. Можно месяцами уклоняться от выполнения возложенной на тебя работы — и никто не спросит, не потребует, чтобы ты начал работать. Все лето текущего года секция по драматургии и кино молчала, и это считалось в порядке вещей. Новички секции Союза писателей Армении не собираются целый год — и президиум Союза не думает подтолкнуть ее руководителей или заменить их более энергичными людьми. Ни одна из секций Союза писателей Украины не выполнила намеченных (скажем, кстати, с большим размахом) планов — и все это скрывает. Мы не собираемся рекомендовать применительно «драконовских» мер к провинившимся, но отметить сложившуюся атмосферу безответственности за безделье мы считаем необходимым, ибо это тормозит дело, задерживает творческий подъем кадров советской литературы, содействует разрыванию групповых и секционных настроений, культивирует пренебрежение к общественной работе. Само собой понятно, что перестройка организационной практики должна начаться с улучшения работы президиума. Нельзя же в самом деле прийти мимо того факта, что из десятков избранных писателей руководители Союза действительно работают лишь единицы. Остальные, очевидно, считают свое пребывание в руководящих органах лишь почетным, но ни к чему не обязывающим делом. Чтобы поднять уровень организационной работы до уровня творческих задач литературы, надо оживить деятельность всех органов ССП, начиная с президиума.

Напомним еще раз слова основоположника и организатора нашей литературы — Горького, который говорил:

«Союз писателей создается не для того, чтобы только физически объединить художников слова, но чтобы профессионально объединение позволило им понять свою коллективную силу, определить с возможной ясностью разнообразие направлений ее творчества, ее цели, ее установки и гармонически соединить все цели и задачи, которые руководят всю творческую энергию страны».

Речь идет, конечно, не о том, чтобы ограничить индивидуальное творчество, но чтобы предоставить для него широчайшие возможности дальнейшего мощного развития. В сочетании широкой свободы индивидуального творчества с гибкой и четкой организационной общественно-политической жизнью литераторов и заключено то плодотворное начало дальнейшего поэтического творчества слова, которое ожидает наша родина. Как бы специфичны ни были условия и сами процессы литературного творчества, какими бы особенностями труд писателя ни отличался от других видов трудовой деятельности советских людей, объединение литераторов не может существовать подобно обособленному острову, где господствуют свои законы и обычаи.

В стране идет процесс совершенствования организационных основ общественной жизни. Труд советских людей, получивший новое, социалистическое содержание, отделяется в четкие формы, был приобретает стройную выправку. Пойтка возрастает не к лицу советским гражданам. Но к лицу она и писателям, призванным служить народу, помогать ему в его героическом, всеобъемлющем труде, в его самоотверженной борьбе за дело коммунизма.

Посланные народа

ПИСАТЕЛИ ЛИТВЫ и ЭСТОНИИ — КАНДИДАТЫ В ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

На окружных предвыборных собраниях и на многочисленных митингах трудящиеся новых прибалтийских Союзных Советских Республик называют имена людей, достойных звания депутата социалистического парламента.

Среди кандидатов много представителей интеллигенции, в частности писателей, журналистов.

Окружная избирательная комиссия Мажейского округа № 641 зарегистрировала кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР литовского писателя Антанаса Веншлова, и о. народного комиссара при Совете Литовской ССР.

Известная литовская поэтесса, автор «Поэмы о Сталине», Саломея Нерис выдвинута кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР общими собраниями крестьян волости Дусетц и учителей г. Утяна, а также рабочими утянского лесопильного завода.

Окружная избирательная комиссия Утянского округа № 630 зарегистрировала Саломею Нерис для баллотировки кандидатом в депутаты Совета Союза.

Кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР зарегистрированы также по Сейнайскому округу № 658 проф. Креве-Мичкевичус, по избирательному округу Мариямполь № 634 — журналистские председатели Президиума временного Верховного Совета Литовской ССР Юстас Палецкис.

Писатели и работники искусств Советской Литвы обратились с воззванием к литераторам, артистам, художникам, музыкантам с призывом принять активное участие в избирательной кампании, отдать свой голос кандидатам блока коммунистов и беспартийных.

* Трудящиеся Халсолоу единодушно выдвинули своим депутатом известного эстонского писателя Августа Якобсона, председателя оргкомитета ССП Эстонии.

Окружная избирательная комиссия Халсалуевского округа № 695 зарегистрировала Якобсона кандидатом в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Пост-революционер Иоганнес Варес (Барбарус) хорошо известен не только в Эстонии, но и во всем Советском Союзе. Сейчас он является председателем Президиума временного Верховного Совета Эстонской ССР. Рабочие железнодорожных мастерских и льнообработывающей фабрики в Мильзакюла выдвинули т. Иоганнеса Вареса кандидатом в депутаты Совета Союза. Паруский избирательный округ № 645 зарегистрировал его кандидатуру для баллотирования.

Литератор Ингол Андресен, народный комиссар просвещения Эстонской ССР, зарегистрирован кандидатом в депутаты Совета Национальностей по Ракверскому избирательному округу № 711.

Началась предвыборная агитация за кандидатов в депутаты.

Съезд писателей Карело-Финской ССР

ПЕТРОЗАВОДСК. (Наш корр.). 22 декабря открывается первый Съезд Карело-Финской ССР.

На повестке дня съезда: доклад секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Т. Сокинина о задачах литературного движения в республике, доклад секретаря Союза писателей т. Колосенко о состоянии литературы в республике, доклад т. Базанова о народном творчестве и работе со сказителями.

Съезд выберет правление и ревизионную комиссию союза. В работах съезда примут участие писатели, выехавшие сдатели республики, гости из Москвы и Ленинграда.

С большим воодушевлением готовилась общественность республики к первому съезду писателей. С каждым месяцем литература Карело-Финской ССР обогащалась новыми книгами, в которых отражалась героическая борьба свободолюбивого мужественного народа за свое счастье, историю, быт и культуру карело-финского народа.

На днях выходит из печати новое академическое издание «Калевалы» на русском языке. Выход сокровищницы эпоса карело-финского народа — лучший подарок трудящимся республике в дни съезда.

З ближайшее время появятся замечательные сказки народного сказителя Госларева, этические песни карело-финского народа, серия очерков по истории древней Карелии, былин и сказки народных сказителей Пуужокого края. Впервые издаются сказки песен — народа, живущего в Карело-Финской республике.

Большая работа проделана издательством и Союзом писателей по выпуску книг на финском языке. Выходят из печати стихи и поэмы Лермонтова в переводе поэта Алексея Ягера, книга стихов Хелло, книги классиков финской литературы Майю Лассила и Алексиса Киви, издаются новые переводы книг Горького, Гоголя, Льва Толстого.

Свыше трех тысяч читателей присутствовало на творческих отчетах — литературных вечерах писателей, проведенных накануне съезда в городах и селах республики.

С. НОРИН.

ПРИВЕТСТВИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР СЪЕЗДУ

Президиум Союза советских писателей СССР плет горячий привет писателям Карело-Финской республики, собравшимся на свой первый съезд. За истекший год раздвинулись границы нашего государства. В составе СССР вместе с другими новыми республиками возникла Карело-Финская ССР.

Велики успехи хозяйственного и культурного строительства молодой Карело-Финской союзной республики, превратившейся из бывшей полуоккупации царской России в одну из передовых республик. Бурными темпами развиваются промышленность и культура, растут и крепнут колхозы. Прошедшие выборы в Верховный Совет СССР лучших представителей рабочих, крестьян и интеллигенции — крупнейшее событие в политической жизни молодой Карело-Финской ССР — шаг вперед по пути социализма. Почетная за-

Обращение молодежи автозавода им. Сталина к советским писателям

Товарищи писатели, мастера культуры! Время ставит великую задачу: поднимать культуру народных масс. Люди с малой культурой не смогут завершить работу по строительству коммунизма. Миллионы юной и девичьей объединены в ленинско-сталинское комсомоле. Вся советская молодежь смотрит на нас комсомольцев как на свои аналоры. Но для того, чтобы на деле быть передовым человеком, комсомолец должен неустанно вооружаться богатствами социалистической культуры, вырабатывать в себе лучшие качества гражданина и бойца.

Литература по самой своей природе — воспитатель и пропагандист. Не слезать чтение вообще потребностью народа. Нужно прививать вкус к художественной литературе. И в этом нам нужна ваша помощь, товарищи писатели.

Нам кажется, что первым пропагандистом литературы должен стать сам писатель. Но до сих пор мы, молодые читатели, редко видели вас у себя.

Секретарь комитета М. МУХИН, зам. секретаря Н. ЛУНЬНОВ, зам. секретаря М. КАЛЫШИНА, члены комитета: В. БРОДСКИЙ, В. МАЗУРЕНКО, Т. МОРОЗОВА, Н. АЛЕЙНЕР, Л. ДОЛМАНОВА, В. РАШЕВ.

РЕШЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Президиум Союза советских писателей поддерживает инициативу комсомольцев автозавода имени Сталина.

Президиум постановляет:

1. Организовать встречи крупнейших советских писателей с комсомольскими студентами.

2. Провести в Москве ряд конференций молодых читателей.

3. Организовать постоянный литературный лекторий для комсомольской молодежи.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

За неделю

РАБОТА С МОЛОДЫМИ ЛИТЕРАТОРАМИ

ГОРЬКИЙ. (Наш корр.). Литературно-творческая группа, объединяющая молодых писателей г. Горького, существует при отделе Союза писателей уже давно. Среди членов литгруппы есть несомненно способные товарищи — поэты Рогов, Соркин, Николаева, Волчек и др.

Казалось бы, что отделение ССП должно было проявлять особое внимание к группе, повседневно руководить ее работой. Собственно, необходимость этого неоднократно отмечалась в специальных решениях, но практическое осуществление решений шло не энергично.

Неудивительно поэтому, что когда бюро отделения ССП заслушало отчет о работе группы, выявилась довольно безрадостная картина. Группа представляла, по существу, собой пустую оболочку, по существу, самой себе. Нет четкого плана и программы занятий. Темы занятий случайны и вестры. С молодыми писателями совершенно не ведется работа по марксистско-ленинскому воспитанию.

На творческих собраниях отделения Союза писателей крайне редко обсуждаются творчество молодых поэтов и прозаиков.

Бюро отделения ССП наметило ряд мероприятий по усилению учебной и творческой работы с молодыми писателями города. А. ЕЛИСЕЕВ

ЛИБРЕТТО ЮБИЛЕЙНЫХ ФИЛЬМОВ

В Комитете по делам кинематографии рассмотрены первые либретто, представленные на конкурс сценариев, посвященных 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Ф. Панфоров начал работу над сценарием о социалистическом труде в деревне, в котором он показывает путь от первого субботника в Кремле до общественного колхозного труда в колхозе. Для сбора материала автор сценария выехал в Краснодарский край, где колхозники недавно закончили сооружение гигантского водохранилища.

Утверждено либретто В. Горбачева о комсомольцах-участниках III всероссийского съезда РКСМ, претворивших в жизнь слова Ленина, обращенные на съезде к молодежи: «Сценарий покажет достижения этой молодежи в наши дни. А. Афиногенов начал работать для конкурса над сценарием о герою наших дней. Его творческий замысел — проследить путь молодого крестьянина к высокой форме государственной и военной деятельности — к званию генерала.

Сценарий, который пишет для конкурса П. Ильян, будет повествовать о директоре крупного промышленного предприятия, человеке сталинского стиля работы. Утверждены либретто сценария Блеймана и Эрмлера «Вторая симфония» (третья часть «Великого гражданина»), рисующего путь к победе работников советского искусства. Принято либретто сценария о величайшем поэте советской эпохи — В. В. Маяковском И. Бодяна, новой комедии Е. Поменчикова о быте колхозной молодежи. А. Каплер представил либретто сценария о выдающемся государственном деятеле, чекюте и величайшем гуманисте Феликсе Дзержинском.

К авторам утвержденных либретто на все время их работы над сценарием прикрепляются для консультаций редакторы сценарных отделов студии и лучшие режиссеры, которые впоследствии будут ставить эти фильмы. На конкурс юбилейных фильмов смогут быть выдвинуты студиями любые сценарии, представляющие большое идейно-художественное значение.

ПРЕПОДАВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ВУЗАХ

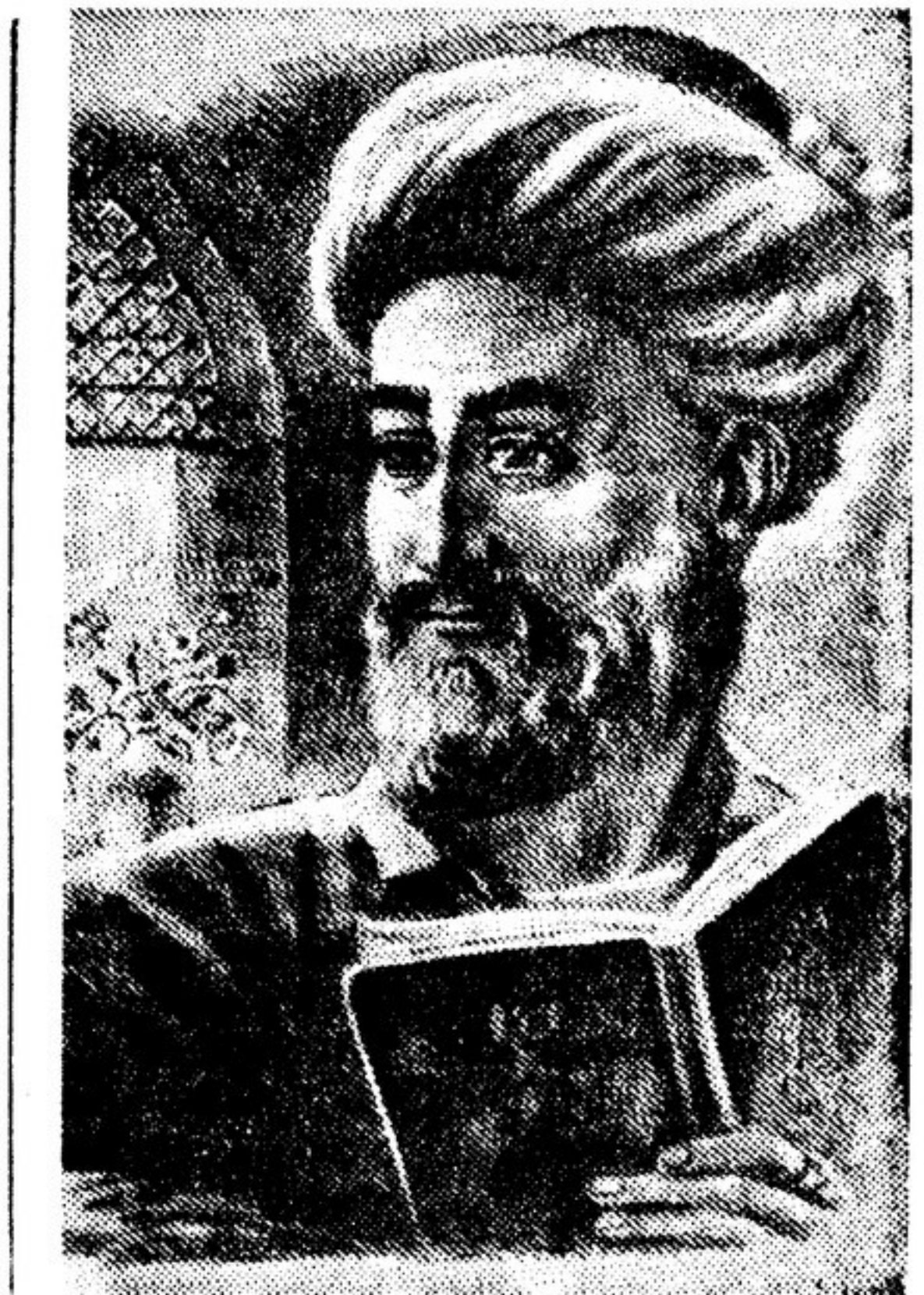
Вуз сейчас почти полностью обеспечен учебниками по истории русской литературы.

Как их лучше использовать в учебном процессе? Московский государственный педагогический институт сообразил по этому поводу 15 декабря совещание преподавателей кафедр русской литературы других московских педагогических вузов и ИФЛИ.

Совещание вышло, однако, за рамки чисто методических вопросов и подчеркнуло необходимость значительного улучшения преподавания литературы в вузах. Выступившие на совещании профессора, доценты и аспиранты указали, что нынешняя система преподавания не воспитывает у масс студенчества активного интереса к литературе и навыков самостоятельной работы.

Всесторонне признано, что нельзя в вузах ограничиваться чтением общего курса истории русской литературы. В крупнейших вузах, располагающих необходимыми для этого преподавательскими кадрами, должны также читаться специальные курсы и проводиться семинары, помогающие студентам усваивать методы самостоятельной работы. Там же, где это невозможно, нужно, по крайней мере, комбинировать общие курсы с изучением отдельных глав и тем истории литературы.

Участники обсуждения жаловались на разобщенность работников литературных кафедр. Они лишены даже такого объединяющего методического центра, каким является журнал «Литература в школе» для преподавателей литературы в средней школе.

Великий узбекский поэт Алишер Навоий (тушу). Эта работа художника В. Кайданова получила премию на конкурсе портретов А. Навоий в Узбекистане. Фото И. Завалина.

ЮБИЛЕЙ КОБЗАРА КУШНЕРИКА

КНЕВ. (Наш корр.). Советская Украина отмечала в эти дни 65-летие со дня рождения и 30-летие творческой деятельности старейшего украинского народного певца-кобзаря, члена Союза советских писателей — Федора Даниловича Кушнерика.

Продолжая традицию лучших украинских кобзарей прошлого, проля на Украине пешком много тысяч километров, слепой кобзарь сохранил в своем репертуаре выдающиеся украинские думы «Про трох братів Озовських», «Про Олексія Поповича», «Про Федора Безрогого», исторические песни про Савву Чалого, Начая, Тараса Шевченко и др.

После Великой Октябрьской социалистической революции Ф. Д. Кушнерик создает и значительные собственные поэтические произведения, исполняемые им на кобзе («Батько Ленін» «Розмова комсомольця з дідусем» «Про пітера Паулюся» и др.). Одна из последних песен Кушнерика — «Ой тікай вряжі ляжи» — посвящена освобождению трудящихся Западной Украины от панского гнета.

Институт фольклора Академии наук УССР совместно с фольклорной секцией ССП Украины отмечают юбилейные дни кобзаря большим торжественным вечером на родине кобзаря — в с. В. Богачка на Подляшине. Для участия в вечере президиум ССП Украины комитировал писателей П. Тычяну, Д. Косарика, П. Гончаренко.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Важнейшие вопросы работы критиков оживленно обсуждаются в ленинградском отделении Союза советских писателей. В частности, об этом подробно говорили на расширенном заседании правления ЛепССП и на собрании критиков и литературоведов в Доме им. Маяковского.

Информацию писателей о задачах, поставленных сейчас перед советской критикой, Б. А. Балик указал, что в Ленинграде особенно остро чувствовалась изолированность критиков от литературной жизни и проблем советской литературы.

В Ленинграде, — указал в предния И. Гинсберг, — секция критиков и литературоведов объединяла около 100 членов союза. Но всего лишь 8—10 товарищей систематически публиковали в газетах и журналах статьи и рецензии о современной литературе.

Никого из нас не удовлетворяет работа в изолированных секциях, отгораживающих критиков и литературоведов от писателей, — говорит А. Дымшиц. Обобщенные секции критиков и литературоведов стали помехой в нашей работе, которая должна протекать в тесной творческой связи с прозаиками, поэтами и драматургами.

Нам надо говорить не только о взаимоотношениях критиков и писателей, — заявляет в своей речи проф. В. Десницкий, — но, прежде всего, о значении нашей критико-библиографической работы для миллионов советского читателя. Этого читателя пока что наша работа не удовлетворяет.

В предния выступили также проф. Г. Губовский, Вл. Орлов, И. Эвентов, Ф. Князев, проф. Ядринский, П. Груздев и др.

Правление ЛепССП приняло решение о перестройке критической работы. Секция критиков и литературоведов, как исторически созданная, ликвидируется. Ленинградским критикам и литературоведам предложено работать в сепциях прозы, поэзии и драматургии. Перед редакциями журналов — органами Союза писателей выплнуто требование расширить и улучшить критико-библиографические отделы.

Неоправданная торопливость

Обедненный фольклор

Рассказы Е. Каралиной написаны с одной целью: показать советских людей, осваивающих далекий Север.

Эти люди по-разному пришли в тайгу. Некоторые — с осознанным желанием работать, сталкиваясь с трудностями, с неожиданными приключениями, неизведанными опасностями, со всем, о чем они читали и слышали раньше. Другие попадают в тайгу случайно. Они либо равнодушны к ней, либо боятся и не любят ее. Но, начав работать, увлекаются и привыкают к тайге. И, наконец, последние — коренные таежники, это — или золотодобытчики или начальники строев, приспешники или зимовщики.

Но, несмотря на то, что в различном мироощущении, все они роятся в тайге в труду, выдержкой, которую часть из них даже не подозревает в себе.

В чем же эта сила? В органической связи этих людей с коллективом. Они ощущают героические поступки, поощряют их, либо боятся и не любят ее. Но, начав работать, увлекаются и привыкают к тайге. И, наконец, последние — коренные таежники, это — или золотодобытчики или начальники строев, приспешники или зимовщики.

По большому недостатку книги — в однообразии персонажей. Создается впечатление, что три основных героя книги — девушка, школьник и таежник — соответственно списаны с трех прототипов и слегка варьируются в каждом рассказе.

Прежде всего это объясняется превратным подходом автора к теме.

В сборнике девять рассказов — девять трагических ситуаций с нарочитым и искусственно благополучным разрешением. В тяжелых условиях освоения Севера, где приходится преодолевать огромные трудности и рисковать жизнью, возможны и естественные отдельные несчастные случаи, а иногда и смерть. Е. Каралина безжалостно устраняет их, не понимая, что трагический исход еще не есть поражение и не наносит ущерба общему оптимистическому характеру рассказов и жизни, в нем раскрываемой.

Искусственный подход к теме приводит автора к фальшивому ее разрешению. В рассказе «Ошибака» четырнадцатилетний Саша остается один на берегу Ледовитого океана, без еды, оружия и спичек. Но ему на минуту не становится страшно. Больше того, он сам себе читает увещания: «И пусть... так и надо тебе, барану! Только баран может, устремляясь к одному, не замечать ничего вокруг». Душевное состояние мальчика определяется сухой, ничтожной горючкой: «Саша пошел озлобленный, сумрачный, как никогда в жизни».

Своеобразная северная природа могла бы вызвать у писателя новые образы, новый круг ассоциаций. К сожалению, Е. Каралина обходится отработанными сравнениями, пыльными фразами: машины стоят неподвижно «среди непрерывного бушевания, изменчивости, непределенности...» О море автор говорит так: «Ух, как оно наступало, бухало там внизу!»

В каждом рассказе сообщается, в какое время года и суток происходит действие, но все сливается в однообразие, невыразительное описание.

Перекликуясь и даже неграмотные по конструкции фразы: «Вот он старательно перед зеркалом смывает слюной, выкладывает чолку на абу грязными руками, нечистыми бабашками оттаптывает четочки»; «...переплываешь ее — выйдешь на зеленую долину». Автор часто не замечает рифмующихся в утрированном слове: «Сначала это занятие, приятно», «Угасла старик, кроя воду, погоду», «спешком с мешком» и т. п.

Рассказы Е. Каралиной требовали очень серьезной работы над ними автором и редактором. Опубликование их в сборнике свидетельствует о ничем не оправданной торопливости.

Л. ВИКТОРОВА.

Е. Каралина, Искатели, 1940 г.

Стояло засушливое лето, и садам Озеп-баша грозил урожай. Ахмет-Ахлай вынул дню у бочки и поставил ее в своем саду, расположенном выше всех других садов. Он предложил озепбашам наполнить бочку чистой водой. Тому, кто возьмет в бочку последнее ведро, он обещал отдать половину своего сада. Много воды выпили озепбашы, но замечая того, что бочка была пуста, эта вода стекала на их же сады. Так была предотвращена гибель садов от засухи.

Сказка «Бездонной бочке» заканчивается так:

«Так и крымский сказочник. Он глубоководный, как бездонная бочка Ахмета. Сколько сказок в ней не берет — сыт не бывает. Сколько сказок из него ни черпай — всех не вычерпашешь».

Эту поговорку можно ставить в сказках любого народа. Интернационален и сам герой Крымской сказки Ахмет-Ахлай, скиталец, масленик, мушкетер под личиной таежника. Многие его родит с Тизь Улешиным, есть в нем много общего с Иванушкой из русских сказок, который живет в них под маской дурочка, по падает выход из любого трудного положения. Ахмет-Ахлай — крымский двойник Паскретина.

Книгу Мирера нельзя отнести к общему сборнику сказок. Запись их требует, по нашему мнению, сохранения точности устной передачи, сохранения национальных особенностей сказки. Этого метода автор не придерживался.

Возможен другой метод работы над сказкой, который применял А. Соловьев в романе «Возмутитель спокойствия». Народ создал благородный образ Паскретина. За три столетия этот образ подвергся значительному искажению, его использовали в своих интересах мullah, феодалы, бан. Они делили Паскретина там, как им было для них выгодно. А. Соловьев поставил перед собой задачу очистить Паскретина от всех позднейших наслоений, от всего наносного, дать его во всей первоначальной чистоте и благородстве, вскрыть подлинный смысл этого народного образа.

К сожалению, мы не можем сказать того же об авторе сборника «Ахмет-Ахлай». У т. Мирера не было такого внутреннего задания. Он ничего не хотел доказать, ничего не хотел запечатлеть. Мирер включил в книгу без всякого отбора все, что слышал об Ахмет-Ахлае. Поэтому Ахмет-Ахлай выглядит у него то мудрым и благородным, то нарочно глупым. Вот, например, какой облик он принимает в анекдоте «Почему в Озепбаше не выросла соль»:

Ахмет-Ахлай очень пудро заставляет озепбашей три раза сечь соль, и она у них все не вырастает. Он заставляет их сечь еще раз и приставить к полюсам караульщики. Караульщики селят. Прилетает муха, садится к одному безоружному караульщику на грудь. Тот решает, что муха — это и есть соль, с'д'д'ающий соль, и знаком показывает вооруженному.

С. Мирер, Ахмет-Ахлай Озепбашский. Издательство «Советский писатель», 1940 г.

Мимо действительности

Альманах «Уральский современник» интересен своим локальным колоритом.

Прежде всего хочется поговорить о П. Бажове. Его исторический очерк «У старого рудника» — одна из наиболее интересных вещей альманаха.

Очерк построен на личных воспоминаниях автора, рассказах стариков и на исторических документах. Это своеобразное исследование воспринимается почти как художественное произведение. — так ослепительно передает оно жестокою жизнь уральского рабочего второй половины прошлого века, его быт, его оубы.

После этого очерка с особым интересом прочтешь помеченный здесь же сказ «Синюшкин колодезь». Бажов не удалось строго выдержать стиль старинного сказа. Но все же он хорошо обработал его и создал ощущение правдивости и подлинности сказа.

Прошлое в альманахе представлено еще тремя главами из повести А. Слешилова «Бурлаки» и рассказом А. Бондина «Машина».

Повесть «Бурлаки» вышла отдельным изданием, и о ней уже было сказано на страницах «Литературной газеты».

Рассказ Бондина правдив и хорошо написан.

Прошлое Урала местные писатели знают, любят, внимательно изучают. Им удается художественно осмыслить его, они находят для выражения прошлого свой оригинальный и правдивый угол зрения.

Совсем по-иному обстоит дело с материальным современности.

В эскизе В. Еловских «Ошибака» затронут большой животрепещущий вопрос о быте молодежи, о строительстве советской семьи.

Сюжет эскиза таков: Ольга провела один вечер на катке с Василием. «Прошел месяц», — говорит автор, «и я в восторге от поженности», а через короткое время разошлись.

Автор как будто бы залеза полью показывать наших яловых советских людей, а на деле показал людей пустых, не способных на глубокие переживания, немудрых и пошлых.

Вот пример из его рассказов: «Ольга: Ты вроде илота. По лицу нельзя узнать, плохой или хороший это человек».

Или еще: «Ты слитком много думаешь о себе, как будто сам Христос».

После перебранки с женой Василий говорит равнодушно, «почесывая спину», что, вероятно, ей захотелось «поменять муженька» и что он «не одобряет ее», по «считается с ее желанием».

Еловских выхватил из жизни какой-то пестрый частный случай, не проанализировал его и дал пустое поверхностное его описание. Получилась неуклюжая картина, большой и серьезный вопрос о строительстве семьи, о морали В. Еловских опущен.

Самая большая художественная воль в сборнике — повесть В. Старикова «Доктор». В этой повести говорится о пожилых людях.

«Уральский современник», № 3. Свердловское областное издательство, 1940 г.

женному товарищу на свое сердце. Выступил в мушу убивает безоружного. После этого Ахмет-Ахлай признает иррациональную вещь о том, что глупых жалеть не нужно.

В анекдотах о Паскретине и Ахмет-Ахлае много общих сюжетов. В этом, конечно, нет ничего особенного: колючие сюжеты. Но, думается, один и тот же сюжет у разных народов порождает по-своему, ибо способы их выражения разные. Поэтому несколько недоумевает, когда в анекдотах Мирера об Ахмет-Ахлае видишь места, почти буквально сходные с анекдотами о Паскретине.

Передо мной фольклорный сборник № 2, Лужицкого государственного дворца-музея — «Анекдоты о Ходже Паскретине и Ахмет-Ахлае». Крымская АССР, 1937 г. В нем анекдот о «Паскретине-проповеднике». Разговор Паскретина и Ахмет-Ахлая с пастырь в анекдоте в сборнике Мирера «Как Ахмет-Ахлай музлой был».

Поблизко же сюжет в анекдоте «О рождении миски и смерти котла». «О том, как Отка помог размякнуть перепутанным папучам». «Календарь Олжы Паскретина» и другие.

Думается, такое переплывание приводит мало пользы читателю. В сборнике Мирера не мало случайного, серого материала. Десятки убогих по мысли и по изложению сказок. Следует сказать, что варианты этих сказок в книге крымских фольклористов значительно ярче. Для подтверждения можно, например, сравнить «Салогти ученого мужа» Мирера и «Ахмет-Ахлай приобретает салогти» в крымском сборнике.

Чем объяснить то обстоятельство, что автор выбрал эти беспомощные варианты, непонятно. Они-то и пробают Ахмет-Ахлай, разрушают его цельность.

В таких сказках все время чувствуется надуванность, ложное глубокомыслие. От Ахмет-Ахлая остается раздражающая схема.

Иногда подобные изьяны обнаруживаются в середине интересной сказки. Вдруг, ни с того, ни с сего появляется тусклый анекдот, второй, третий, неизвестно, для чего и откуда. Или высказываются такие фразы: «Больше я ее сую внутрь — сильнее она возвращается обратно». «Теперь я тебе устрою горячку, что будешь помнить, пока не споришь в аду за меня». «Солнце. С небом всею землю освещает она своим блестящим пламенем».

Временами кажется, что книгу писали два автора: один, плохо знающий русский язык, собирав все, что попадется под руку, и другой, записавший только хорошие сказки.

Сборник Мирера не только ничего не прибавляет к фольклору об Ахмет-Ахлае, но обедняет его во многом. Крымский сборник дает более яркий и цельный образ народного героя.

Издателю очень быстро выпустило эту книгу, не позволяя ее быть прекрасной бумагой. Оформлена книга с большим вкусом.

А. ТАРАСОВ.

ПО МАСТЕРСКИМ МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ
Б. И. РОЗЕНБЛИТ. Городской пейзаж.
И. Е. ВИЛНОМИР. Дворик.

С. ЛЕВМАН На возрожденной земле

У поэта М. Шнапелса, с творчеством которого мы познакомились совсем недавно, хотя пишет он давно и вынул не одну книгу стихов, есть небольшое стихотворение под названием «Рынок и зеленая». Небольшо горластит, орет и волнуется рынок, торговки расхваливают свой товар, покупатели торгуются до омерзения, а паде коровники, прижавшись друг к другу, шумяют от страха» рева, режиска, морозов... Их оторвали от родной почвы, швыряли в мир ослепительного торга, обрели на с'еление, и, окваченные ужасом, они с тоской вспоминают о роднине, где они росли и паливались соками. Одна лишь слабая надежда осталась им:

И зелье выладеду делест,
Что, может быть, изобиуд шедрый.
Возмет ее влуд и посетит
В земные желанные недра.

Значительная часть еврейской литературы, существовавшей в претезах бывшей Польши, чувствовала себя на территории такой сумрачной от страха земли. Националистический строй, этот шумный рынок, где все покупается и продается, этот мир угнетения и несправедливости, душил свободную мысль и гонящее чувство художника. Лучшие писатели мечтали о возвращении к «родным полям», о приобщении к истокам народного творчества, о связи с массами. Для этих писателей день освобождения Западной Белоруссии и Западной Украины от панского ига был не только датой приобщения к свободной советской жизни, но и днем их возвращения к «земным желанным недрам».

До освобождения Западной Белоруссии и Западной Украины от Советским Союзом мы очень мало знали о том, чем живут еврейские писатели по ту сторону нашей бывшей западной границы. Буржуазная Польша жестоко угнетала национальные меньшинства, не могла быть и не была благоприятной почвой для развития еврейской литературы. Но трудовые массы продолжали выдвигать талантливых художников слова, многих из которых мы уже знаем по имени. Поэты Ашенидор, Лейзер Вольф, Шнапелс, Рубинштейн, Эмил, Гадасса Рубина, Рахель Корн, Жирман, Бомзе, Горюпин, прозаики Бурштин, Милмакер, Броуэрзон, Зильбург, Окрутный — это лишь небольшая часть еврейских писателей, влившихся в ряды советской литературы и обладающих собственными талантом, своеобразным и интересным дарованием.

Сильное впечатление произвело творчество Лейзера Вольфа, поэта очень оригинального и мелкого. Каждое его стихотворение — протест против страшного мира эксплуатации, неравенства и политической человеческой личности. С повышенной силой обжалует он язык буржуазного общества. Многие его произве-

дения выливаются сатирические стихи Гейне, хотя Вольфа никак нельзя упрекнуть в подражании. Как и многие другие поэты его поколения, Л. Вольф долгие годы романтической мечтой о счастье, по всему миру он искал чудесную Фридриху, которую он открыл, «как Колумб открыл Америку», но с гейневской беспомощностью сам же пошел под свои мечтаниями.

На наших глазах происходит чудесная метаморфоза с Лейзером Вольфом. Его новые, советские стихи полны страстной веры в жизнь, насыщены силой в борьбе и труду.

Гадасса Рубина — лирик. Она создала цикл «Горенных стихов». В нем с поэтической страстью и большим мастерством выражены переживания девушки-революционерки, которую польская жандармерия бросила в тюрьму. «Я и луна», «К моему другу» и другие миниатюры проникнуты глубоким чувством и демонстрируют незаурядное дарование автора.

Поэты, вы не помните
У дома родного,
Покуда из темницы
К вам не вернусь я снова!

— так начинается одно из стихотворений этого цикла. Поэтесса заклинает березу, небо, возлюбленного, чтобы они не изменялись до той поры, пока она выйдет на волю. Но все это только шумка!

Цветы, я погубила!
Вам пожелаю вновь я:
Во всю цветите силу,
Растите на здоровье!
Ты, друг, забудь кручину!

Нам не страшна разлука:
Сядьте и в морщинах,
Узнаем мы друг друга.

А в стихотворении «Овчинец», где девушка беседует со стариком-овцом, который никак не может примириться с тем, что старшая дочь заключена в тюрьму, Рубина говорит прямо и отчетливо:

Чем я могу тебя утешить, мильный?
Ты говоришь, что проиграл игру...
Меня на битву партия вошла,
Как поведет и малую сестру.
Теперь я только одного желаю:
Пойми, родной, ты в сердце у меня!
Ты платишь, я улыбой отвечаю,
О. будет день возьмешь и опия!

Очень интересны стихи Жирмана, по-томственного пролетария, для которого история классовых битв есть его собственная ролюсовная. Дел его работал, как бездельный раб, отец лишь мечтал о справедливости, но молодое поколение высту-пает уже с открытым протестом и включает в борьбу за новый жизненный порядок. Советские стихи Жирмана органически связаны со всем его предвосхищением творчеством и являются его замковым и естественным завершением.

В короткой газетной статье нет возможности даже вкратце остановиться на творчестве таких выдающихся и самобытных поэтов, какими безусловно являются Ашенидор, Корн, Бомзе, Сажак в заключенные несколько слов о прозаиках.

Д. Милмакер пишет уже давно. В первые своих произведениях он был под сильным влиянием западноевропейского импрессионизма, затем отдал дань натурализму. Но последние его книги «Люди» (из жизни мелких приказчиков) — произведение полностью реалистическое, проникнутое ненавистью к эксплуататорам и любовью к простым, труженикам людям, — выдвинула его в ряды прогрессивных писателей. Бурштин в своих повестях и рассказах, построенных с большим мастерством, описывает жизнь бедноты и ставит проблему человеческого достоинства, человеческого права на свободный труд и счастье. М. Зильбург знает рабочую жизнь, папачатинские его очерки из романа «Большая тоска» читаются с глубоким интересом и свидетельствуют о незаурядном таланте автора.

Еврейская литература на территории бывшего польского государства развивалась в отрыве от еврейской советской литературы, столь богатой переводными идеями, проблемной и переловой литературы, в самом полном значении этого слова. В произведениях западноевропейских и западноукраинских еврейских писателей есть немало худшего, отсталого, наивного. Часто нас поражают узость и ограниченность кругозора этих писателей. Но процесс их приобщения к советской культуре протекает быстро и уже дает плодотворные результаты. Писатели, явившиеся свидетелями крушения польского государства, обрели свою настоящую ролю, новый творческий импульс, веру в себя и в свои силы. И обращаясь к той земле, которая в течение многих лет была для них мечтой и лишь год тому назад стала любимой матерью, они говорят словами поэтессы Р. Корн:

Я видела тебя заповианной, юмной
Лейзером таежиком и копытами коней.
Не плугом, а метом распашка была ты,
Прямель засеяла простор твоих полей...
Как хорошо, что снег тебя умулт
спова,
Битком на ранки лег и ледит какалды
прам,
Чтоб раннее весной очнулась ты
зроровой!

Навстречу трактору и солнцу и дождю,
Приснешь, моя земля, согретая снегами!
Готовые к труду, уж руки жгут тебя,
И пальцы тиснут, чтоб крепкими корнями
Врасти в тебя, земля, тоскуя и любя!».

* Все переводы принадлежат автору статьи.

Е. ЖУРБИНА ТРИ СКАЗКИ

В сказке Е. Шварца «Новые приключения Кота в сапогах» Кот вместо с детьми едет в грузовике мимо трибуны во время октябрьского парада. С трибуны кричат: «Смотрите, смотрите, какая маска хорошая!». А Кот отвечает: «Я не маска — я настоящий Кот в сапогах», и тогда с трибуны говорят: «Ну, а если настоящий, так это еще лучше».

Действительно, если настоящий, так это еще лучше.

«Фантазия... первый посредник между духом ребенка и вне его находимся миром действительности», — писал Бельский. Становясь на путь фантастики, Шварц не повторяет ошибок вулгаризаторов сказки. Он не уничтожает сказочный замысел, мотивируя фантастику своим извращенным состоянием героя. Герой сохраняет свое сказочное обаяние. И в то же время сказка глубоко современна по всему своему строю и по своей морали. Кот в сапогах из сказки, по сути, включенные в сказку, не теряют своей реальности. Освещенные сказочным светом, они яснее отражают поэзию нашей действительности. Таковы в сказке отец и мать Сергея — капитаны кораблей.

Кот в сапогах борется за исправление недисциплинированного Сергея. Ему противостоит злая волшебница-жаба, пагубно влияющая на Сергея.

Она спит ночью под окном той комнаты, где спит Сергеев, и бурмочет: «Направо болото — налево лужи, а ты, Сергеев, веди себя поужие. Когда все молчат, ты, Сергеев, кричи, когда все кричат, ты, Сергеев, молчи. Когда все стоят, ты, Сергеев, иди, а когда все идут, ты, Сергеев, сиди. Загорючит с тобой Кот, а ты ему, Сергеев, дай камнем в живот».

По ходу сказки, жабу побуждают Кот в сапогах и дружно живущие на даче ребята и внезапно приближенные из планации мать и отец Сергея. Жаба лопается и пропадает. Но ее сказочное заклинание остается. Оно очень метко и доходливо высмеивает неправильное поведение ребенка. Сделанное по типу сказочных заклинаний, оно имеет все основания подействовать на Сергея, а заодно и на всех детей, которые «кричат, когда все молчат, молчат, когда все кричат, и идут, когда все сидят».

На сказке «Приключенные козленка» лежит отсвет утончи. Это сказка о людях, которые пришли в лес для того, чтобы узнать, «кто живет в лесу, где жуют, как живут», научиться говорить на всех лесных языках и заставить животных жить дружно.

Они достигают своей цели. Они устанавливают в лесу радио и рассказывают козлятам их любимые сказки, поют старые мелодии колыбельные песни и даже начинают вести беззвучный разговор с муравьями и бабочками и молчать, как рыбы. Правы животные, им удается изменить до такой степени, что когда на лесной елке лев съел шоколадного зайчика, ему пришлось извиниться перед зайпанами.

Создавая иллюзию достоверности, Шварц следует свифтовской манере полной точности тогда, когда речь идет о вещах фантастических: «Лидерша хотела сказать по-козьи: «Выйди, отходи, походи на скамеечку». Но новый язык она знала плохо и слезла одну ошибку. Ей надо было сказать: «Ме-ме-ме-ме». А она сказала два лишней ме: «Ме-ме-ме-ме-ме». А это значит: «Убирайся отсюда вон, а то я тебя разорву в клочья»».

В сказке козленок воспринимает человеческие законы общества, как чувство, воспитанное на «волчьих законах» звериного общества. Таким образом, этот козленок очень напоминает необходимое для утопии героя, попадавшего в таинственное для него, высоко организованное общество будущего.

За образами сказочных людей мы видим благородство людей нашего настоящего, и вся сказка оказывается сказкой о высокой человечности нашего общества.

Наиболее острый фантастический образ создан Шварцем в незвано написанной «Сказке о потеряном времени». Здесь

Шварц не побоялся вплотную подойти к ребенку с очень большой и сложной мыслью: связать в сознании ребенка его настоящее с его будущим и поставить его будущее в тесную зависимость от его настоящего. Эта сложная задача разрешена просто.

Мальчик Петя Зубов имел обыкновенное зря время. Однако, зная, что он опаздывает в школу, он все же задерживается у магазинных витрин, корчя гримасы, играя жестикуляцией, разговаривая с собакой, играя в снежки, пробовая идти с закрытыми глазами и т. д. Когда он, наконец, пришел в школу, то его никто не узнал. Он превратился в высокого старика с белой бородой, с седыми усами и морщинистым лицом. Не узнали его и родители. И вот начинают страдания старика Пети. Очень легко, без всякой натяжки в круг его рассуждений попадают очень серьезные мысли: «Что же я теперь буду делать? Будь я настоящий старик, я бы за свою долгую жизнь чему-нибудь научился. Был бы доктором или учителем, или инженером, или токарем. Был бы я нужным человеком. Кому я нужен теперь, когда я только ученик третьего класса. И была бы у меня семья — дети, внуки, откуда мне теперь взять детей и внуков. И хотя я старик, да мне еще одиночнати лет нет. А если бы я захотел отдохнуть, мне бы дали пенсию за мою прошлую работу. А теперь разве мне пенсию дадут, когда я всего три года работал в первом, во втором, да в третьем классе? Да и как работал-то! По арифметике посредственно имел. Что же со мной будет? Да чем же все это кончится?»

Петя не остался стариком. Он нашел колдунов, укранных то время, которые он зря потратил. Он нашел в своих товарищах по несчастью. Выглянув за ручки, они три раза спали «Вам придет тугое, мы найдем друг друга», и злые волшебники исчезли.

«И мы скажем вместе с Петей: да, злых волшебников нет. Но пусть помнят все — это не выдумка, а чистая правда: человек, который напрасно теряет время, сам не замечает, как стареет». Так заканчивается «Сказка о потеряном времени».

«Чувство настоящей реальности создается у читателя только тогда, когда ему показывают действительность с разных

сторон в нескольких измерениях... Это в такой же мере относится к бытовому повествованию, как и к романам приключений, и даже к фантастическим рассказам и повестям» — писал недавно Маршак.

Сказки Шварца показывают действительность с разных сторон и в нескольких измерениях. Именно поэтому они рождут «чувство реальности». Эта же опора на реальность дает Шварцу возможность быть поучительным.

У нас еще существуют среди пишущих для детей наивные люди, которые полагают, что близости к детям они достигнут, старательно и плоско фиксируя внешние атрибуты их быта (если это школа, то здесь будут в неумеренном количестве тетради, классные журналы, школьные пенники и все с ними связанное). На место же психологических мотивировок они подставляют свои «взрослые» домыслы в несколько упрощенном виде.

Можно сколько угодно снабжать эти построения правдоподобными тезисами. Это будет напрасный труд.

Разговор волшебницы-жабы с мальчиком Сергеем, фантастические люди из «Приключенные козленка», старичок-ученик третьего класса Петя больше говорят о реальности, нежели стубо бытовые плоские герои многих наших бытовых повестей. Именно поэтому они способны влиять на психологию ребенка и завязывать высокие связи между духом ребенка и вне его лежащей действительностью.

У нас много говорили о сказочной праматургии Шварца, выросшей из сказок Перро, Андерсена и Гофмана. В критических статьях Евгения Шварца даже начали называть Евгением-Галсом-Христланом-Теодором Шварцем, в знак полной огапачности этих соеинений.

Нам же кажется, что работа Шварца над названными им Перро и Андерсеном и над неназванным Гофманом представляет собою попытку расширить диапазон сказочника за счет включения литературных «апроприетов». Как всякая попытка такого рода, она не может определить собой путь писателя. Сказки, о которых мы здесь говорили, показывают, что Шварц овладевает тайной сказки на почве реального, а не литературного, пространства.

Некоторые итоги дискуссии

Четыре вечера продолжались в клубе писателей обсуждение книг о Маяковском. Зал был переполнен. Внимание слушателей — напряженное, реакция — непосредственная, острая. Это был не только естественный, давний интерес к лучшему поэту советской эпохи, умершему десять лет тому назад. Нет, все испытывали необходимость поговорить с Маяковским, услышать его страстное слово, проникнуться силой его убеждения именно теперь, в 1940 году, в связи с сегодняшними задачами литературы.

Весь вечер, после ряда серьезных неудач и провалов отдельных писателей, перед каждым работником советской литературы вновь с новой остротой стал вопрос: в чем залог успеха? Куда повернуть внимание?

Разве не поможет нам разобраться в переплетенных спорах и сомнениях Маяковский, возвышающийся, как маяк революционной поэзии, полпред советского стиха, всегда первым бросавшийся туда, где бой кипит.

Четыре дня продолжались бурные дискуссионные собрания, вызвавшие напряженный интерес далеко за пределами клубного зала. Однако осталось какое-то недовольство, чувство обманутой надежды. И не потому, что кое-кто из выступавших позволил себе использовать общественную трибуну для слишком необщественных дел. Это само собой.

В процессе дискуссии сказано и много верного, интересного по общим и частным вопросам. Но основное же направление, тон и характер споров были совсем не те, каких требовали серьезность и ответственность задач нашей литературы.

Поводом для дискуссии были книги, вышедшие в десятилетие смерти Маяковского. Таких книг — 18. Сразу же привлекает внимание тот факт, что большинство авторов исследует, вспоминает, рассказывает о Маяковском... дореволюционного периода. Дореволюционные произведения Маяковского занимают в его собраниях очертаниями меньше одной десятой части, все «сто томов» «партичных книг» — это прежде всего книжки революционных лет. Между тем мемуаристы, авторы биографических повестей и исследователи учено-поэты читают и исследуют, в первую очередь «Бродячий собачек», к Хлебникову и желтой кофте.

Тов. Шкловский, например, почти весь разговор о Маяковском (поскольку, отсылаясь к нему, вспоминает о Маяковском) свел к Вружко, Брик, Кручинин, «яснovidцу» Хлебникову, как основным источникам пафоса и мощи великого революционного поэта. В части теоретической книжка Шкловского являет собой открытую попытку реабилитировать давно разоблаченные формалистические мелеозисты.

Маяковский говорил, что уже накануне революции он был человеком, «отоспавшим и отставшим желтую кофту» (статья «Как делать стихи?»). Шкловский же усиленно пытается заковать всего Маяковского в желтую кофту футурологических утрибутов. А в результате этих попыток приходит куда-то в темноту понимание традиции Маяковского, как традиции высочайшего чувства революционной ответственности, общественной целеустремленности.

Кто лучше Маяковского понимал значение ритма, смысла революционной лозунга и общности ритма, кто лучше понимал створчатость и ритмичность, кто с таким изумительным мастерством этой ритмичности распоряжался? Не если формальная игра со словом, какой бы заманчивой она ни была, превращалась для кого-нибудь в «мажор», то Маяковский называл это «извращением поэзии до технической работы» (там же). Ибо основным, решающим, направляющим для Маяковского было содержание. Он не представлял себе подлинной поэзии вне высокого общественного содержания, стражающей революционной целеустремленности. Еще в 1914 году он гремел:

Господа поэты,
неужели не наскучили
вам,
дворцы,
любовь,
сирени куст вам?
Если
такие, как вы —
творцы,
мне наплевать на всякое
искусство.

Всю жизнь — и до революции и после — боролся Маяковский с эстетскими, чистоплюйными, пропагандистскими «маленькими задачками чистого стиходела», уводящими искусство от большой дороги общественной борьбы. С первого же дня революции Маяковский своим пером стал — вот когда можно сказать без всякой фальшивой риторики — как часовой с винтовой пружиной. Он делал бой к другому. С великой силой последовательности не на рушевой ни одним колебанием, ни одним неверным жестом.

Независимо до смерти Маяковский, отвечая на вопросы комсомольцев Красной Пресни, говорил: «И от партии не отдели себя и считаешь себя обязанным выполнять все постановления большинства партии». Самое замечательное здесь то, что «выполнять все постановления» отнесится не только к голосованию на собраниях и выполнению общепартийных задач, но к поэзии, к поэтической работе. Всем своим существом поэт, всем своим существом революционер, Маяковский воспринимал каждую очередную революционную задачу как свою поэтическую задачу. Вот в чем первейшая традиция Маяковского.

Боевые марши, стихотворные лозунги, величественные поэмы. Потом, если нужно, — «нигде кроме, как в Моссельпроме». Ведь Ленин сказал, что надо учиться торговать. А задача, поставленная перед страной, это также и поэтическая задача Маяковского. Прерывисто отмахиваясь от хвляющихся в кулак свобод, Маяковский давал старым и молодым советским писателям урок настоящей революционной работы. И кто же из эстетствующих витий посмеет упрекнуть Маяковского в небрежности формы? Даже две строки реклам подпораны с таким чутьем слова, с таким искусством, что слова Маяковского живут в памяти миллионов людей, хотя и Моссельпрома-то давно нет.

Агитационные газетные стихи о войне подняты до высот поэзии, а витийная поэма о любви насквозь пронизана социальным чувством, ощущением и сознанием того, что личное горе неотрывно от общесоветского и путь к счастью, моему, интимному, сливается с общим потоком борьбы за будущее. Вот — другая традиция Маяковского.

Те страницы, которые в книжке В. Катаняна составляют главу «Сталинизм лозунги» — это, может, самые интересные и самые блестящие стихи о Маяковском. Тов. Катанян показывает, как на протяжении ряда лет, из месяца в месяц, из дня в день речью вела партия, его уважения, его лозунги служили непосредственным импульсом для творчества Маяковского.

Сталинизм слова, выражения партийных резолюций, поэтически преображенные, органически влились в текст стихов Маяковского. А главное — мысль, партийная мысль наполняла его ежедневный поэтический труд. В небольшой, к сожалению, главе, занимающей едва одну двадцатую часть всей книжки, Катанян только подошел к теме огромного значения и поучительности. Но и та работа, которую он проделал, производит большое впечатление. (В четырехдневных прениях о ней не скажешь как будто ни слова).

Маяковский нес свое поэтическое оружие туда, где обнаруживался самый важный участок революционного фронта, он спешил ко своим стихам, точно так же, как партийные организации, мобилизуя своих лучших людей. И поступал он так не только потому, что существовало «составление», а потому, что это было его родное, внутреннее дело. Его тревога, его нужда, его победа.

Радуюсь я —
это
мой труд
в труд
моей республике.

Органическое постоянное чувство своей слитности с революцией, сознание своего высокого поэтического поста и своей ответственности — вот традиции Маяковского.

Разумеется, недостаточно установить и отметить это только в порядке юбилейно-исторического, в порядке, так сказать, «сводания уснушему» должного. Мы-то как следим традициям лучшего поэта советской эпохи? Вот о чем прежде всего следовало говорить на дискуссионных собраниях. Нет нужды тратить время на доказательства значительности достижений советской литературы за исторически небольшой срок ее существования. Это общезвестно. Кроме того, у нас слишком много охотников почивать на лаврах. Сегодня гораздо важнее по-настоящему обдумать не недостатки и недуги. Связан ли пробвал «Метели» и «Домик» с вопросом о традиции Маяковского? Возможен ли был бы такой пробав, если бы все советские писатели неотступно следовали этой традиции? Как это ни странно, на дискуссию ничего об этом не говорили.

У нас теперь появились поэты, поэтики, которые совсем на манер «братцев-писателей», о которых Маяковский писал в 1914 году, чиркают, если не про дворцы и пажет, то про «сирени куст».

Небодра была тогда погода.
И дождь, и снег.
На сердце.
На судьбе.

И то, что я
писал
в течение года,
Все это —
длинное письмо тебе.
Поймешь ли ты? —
Поймешь.
(разборчив почерк)
Открытым сердцем,
милою душой.
Заплачешь ли? —
Заплачешь.
Тихо.
Ночь.

Одна в постели,
ставшей вдруг чужой.

Почерк разборчив вполне. И сразу видно, что все здесь мелко, пусто, нудно. И разбирает нечего. Чиркает человек (Александр Гитович), по разбивка стихов лексикон «под Маяковского» не вводит в заблуждение. Может быть это случайные стихи, написанные в результате минутного настроения и также случайно попавшие в журнал «Литературный современник»? Нет, оказывается «тема разлуки» (в этом же стиле «дождь... на судьбу») — центральная тема Гитовича. Оказывается, Гитович не случайный человек в литературе, а претендует на роль руководителя поэтической молодежи Ленинграда.

Перечитав все стихи, напечатанные в последнем номере (8—9) «Литературного современника», журнал открывается как бы программно-философским произведением Валюша Шефнера, которое названо «Трактат о бессмертии».

Можно по чудовищному безразумию было бы принять за поэзию его унылую, обязательную прозу, опшугуренную под белые стихи. Что касается содержания, то мечты Шефнера на 1940 год сводятся к тому, что хоть когда-нибудь ученые химико-лабораторным путем «формулу бессмертия найдут».

Но если Шефнер и Гитович представляют в журнале, так сказать, минорную лирику и эстетическое раздумье, то Михаил Тропичкин — весь мажор и пафос. Он помещал в журнале гимны... календарной поэзии.

Некоторый ответ на вопросы, возникающие при чтении стихов «Литературного современника», мы получаем тут же, только на следующей странице и опять в стихах. Вот полностью стихотворение Ивана Фелерова, называющееся «Танки ночью»:

Меня разбудят громы. Я открою
Окно, увижу: вновь по мостовой
Рыбистые идут гора с горою
Бок о бок... И увижу: вестовой
Идет выскочив, статный, с досенцем.
Танк, родина, о славе возвестит
Сыны твои стальные в том весеннем
Ночном часу, когда поэты спят.

Иван Фелеров, повидному, не подозревает, до какой степени его устами говорят поэты. Иные поэты действительно спят. И не только в Ленинграде. Их будит время от времени громы величайших событий, они подчас ворчат и жалуются, что им не дают «отщипывать форму», что им необходимо «право на лирику» (как будто это право когда-либо у них отнимали!), что сам Маяковский сказал: «то больше поэтов хороших и разных».

Да, разных, но не всяких. Разных, но хороших. Поэтов, а не чиркающих воробушков.

дева-Кумача имеются, как и у любого другого нашего писателя, и критиковать их, разумеется, нужно. Но странным образом т. Фадеев, сосредоточив весь огонь своей критики на Кумаче, почти ничего или очень мало говорил об опасности безыдельности, обязательности, формалистско-эстетском уходе от основных проблем нашей действительности. А именно об этом нужно было говорить в первую очередь. Такие факты дала себя знать и на дискуссию. Выступил же на дискуссию Кручинин с откровенно-вульгарной защитой формализма и заговорил в таком автавистическом тоне, точно ничего не произошло за последние четыре века. Каковы, точнее же он не уличил заслуживающих того ответ. Но ни Фадеев, ни Лебедев-Кумач, ни кто-либо другой не дали ему отпора.

Иные люди, склонные считать себя защитниками искусства, с эхидством, смешанным с ироничной дозой снобизма, пытаются доказать все эти и тот же вопрос: «а форма? Имеем в виду, друзья мои, что без формы нет искусства. Поэтому внимание, форма, мастерство, форма, еще раз форма».

Это верно: без формы искусства нет самого искусства. Общечеловечность, ложность позиции этих «защитников» очень часто выражается совсем не в тех словах, которые они произносят. Значение формы общезвестно. «Защитники» забывают, однако, что прежде чем «сформать», надо знать, что «сформать». Как глубоко прав был Гораций, говоря, что ключ к искусству сочитать — это искусство мыслить.

Нисколько не отрицая значения формы, необходимости каждодневной учебы и работы над «выделкой», мы должны, однако, подчеркивать, что основные задачи советской литературы находятся в области содержания, идеи. Искусство формалистов в итоге оказывается беспомощным по самой своей форме, потому что только новое содержание может определить новую форму.

У некоторых части наших литераторов, в том числе «защитников эстетско-формалистских тенденций», самым непосредственным образом связанные с обязательностью и беспринципностью. Против таких тенденций неустанную борьбу вел Маяковский, и именно против них нужно было теперь направить острей критику.

Ленинградская группа «молодых» не составляет, конечно, исключения. В критике также проявляются иногда следы безыдельного подхода к литературе, проповедования в том же «Литературном современнике». И. Гринберг уверяет, что Гитович и Шефнер «верно почувствовали одну из важнейших задач, стоящих перед нашей поэзией». И этот же веснающий критик радостно сообщает, что «среди наших поэтов, особенно молодых, это гораздо больше подражаний Ахматовой, чем готовых к этому созданию». Но это мнение в стихах Ахматовой, «казалось бы совсем «самородки», присутствует чувство широкое. Какого времени? И о каком мире? Этого критик «Литературного современника» не уточняет, видимо, не считая существенным.

Но кто же не знает, что все несчастье Ахматовой в том, что ее «чувство времени» и память самым печальным образом связаны с прежним временем и старым миром.

Некоторые товарищи, выступавшие на дискуссию с критикой речи Фадеева, правильно говорили, что критический огонь следует направить прежде всего против увлеченной обязательности и беспринципности. К сожалению, они сами большую часть своих выступлений посвятили выискиванию заступ упоминаний или упоминаний поэтов, которые создали в саблужие. Это конечно копьев не в доверие хвальных или ругательных эпитетов, отпущенных руководителем Союза писателей тому или иному литератору. Дело в том, что дискуссия пошла по неверному направлению, что не была вскрыта опасность чиркающих обязательности, угроза эстетско-формалистских влияний, уводящих известную часть нашей литературы в сторону от большого революционного искусства.

Может быть, это произошло потому, что в дискуссии как следует не подготовили работников Союза нет достаточно ясного представления о задачах, которые страна ставит сегодня перед литературой?

Партия уже не раз указывала нам на отдельные явления беспринципности, формалистско-эстетских извращений в литературе (см. например, редакционную статью «Большевики» № 17 за 1939 г.). Создается впечатление, что некоторые работники Союза писателей не поняли всего значения этих указаний. О другом же Ленинградском эстетическом влиянии, о чиркающих тенденциях ленинградского горизонта писал т. Маханов об этом в «Известиях» (от 2.Х). А что думает об этом в Союзе писателей? Ведь на титульном листе «Литературного современника» сказано, что он «орган Союза советских писателей СССР».

Всю работу Союза писателей надо решительно повернуть к «производительности», то есть к литературе, к книгам, к журналам. Надо поднять идеальную температуру в Союзе, надо привлечь внимание всей массы литературных работников к задачам литературы, находящимся в теснейшей связи с интересами и великими задачами нашего народа.

Вот верные выходы из дискуссии о книгах, посвященных Маяковскому. И надо повысить чувство ответственности наших литераторов перед народом и эпохой. Бельгийский писатель когда-то о том, в каких условиях могут появиться поэты величайшего исторического значения: «Такие поэты могут явиться только у народов, призванных играть в судьбах человечества всемирно-историческую роль, то есть своего национального историю иметь влияние на ход и развитие всего человечества».

Все ли из нас чувствует, с какой силой силой звучат сегодня эти слова великого критика?

Рукописи о Навои и его эпохе

Юбилейный комитет по проведению 500-летия со дня рождения Алишера Навои приобрел за последнее время много ценных документов о поэте и об эпохе, в которую он жил. Среди приобретенных материалов — книга-рукопись «Хамса» (Партерпа), содержащая пять поэм: «На изумленных мушкетерах», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Семь планет», «Александр и Геракл». Переведена эта книга 466 лет назад, еще при жизни поэта, известным в то время каллиграфом Абдул Джамель Катыбом. Специальными и искусными мастерами рукописей Навои считают ее самой древней из рукописных экземпляров произведений великого поэта. «Хамса» была обнаружена в хранилище Ташкентской публичной библиотеки.

В Фергане найдена вторая рукопись «Хамсы». Она иллюстрирована многочисленными миниатюрами, прекрасно выполненными известными ферганскими художниками. В книге 50 миниатюр, две из них — «Фархад прокладывает канал» и «Над прорытом Фархадом» — заслуживают особого внимания своим светом: они выражают давнюю мечту узбекского народа о воде.

Узнав о рукописи Ташкентского Музея Востоковедения приобрел рукописный экземпляр произведения Навои «Чудеса детства». Титульные листы этой рукописи украшены народным орнаментом. Интересно, что дата рукописи старая и на ее месте стоит печать с китайской надписью. Давность рукописи определяют специалисты более чем в 460 лет.

Юбилейному комитету подарил ферганский певец-орденоносец Джарухан Султанов интересную рукопись «Конунг» крупнейшего теоретика узбекской музыки, композитора Зейнул Абдина Ибн Мухаммад Ибн Махмуд аль Хусейни. «Конунг» переписана в XV веке на персидском языке. Автор ее — современник Навои, и труд его посвящен великому поэту.

Студия Управления кинематографии при СНК Латвийской ССР на днях закончила съемку исторического фильма «Кугуритис» («Кугуритис»). Сценарий написан по роману Карла Ларина о восстании крепостных крестьян в Кугурите в 1802 г. жестоко подавленном помещиками с помощью войск.

Автор сценария, он же режиссер — Вольдемар Пунте. В фильме участвуют почти шесть тысяч человек, из них лишь около сотни профессиональных артистов. Главное действующее лицо в фильме сам народ — поработенное крестьянство, стихийно восставшее против барского засилья.

Съемки фильма продолжались пять месяцев. Теперь основная работа закончена, и в январе новый фильм появится на экране. На снимках — кадры из фильма.

ВОПРОКИ ТРАДИЦИИ

В. ПОТАПОВ

По бокам два столбика, над ними портал с лирой, и оттуда свисает синий, в складках, занавес с золотыми кистями. Над сценой колпак свежа, а в антрактах витает улыбка Лангера. Одним словом, как всегда, во времена Островского, или чуть-чуть ближе к нам. Сцена заложена в блестящую, износившуюся оправу. Похоже на старинный металл; оторочить его и ялещи, что оттуда вылетит знакомое лицо или группа лиц, пришедших на многим режиссерам. И театр воскрепит свои ожившие предания. Неужели это только дань памяти, спектакль о былом, давно ушедшем?

Кончился вальс, и устало пошел занавес. Открылся вид на город с кривыми улочками и пугавыми, карминовыми червяками, что тут вступают над шестыми замурхничками-домиками. Небрежные, выцветшие краски... — и эта жесткая ялещи-попозитивность живописи к лицу шумной, прихотливой Расе. А вилка Волга, и дождь берет бременчатый слух. По нему бегут люди и смотрят на Волгу с обрывом, словно оценивая свою жизнь в высь. Вперед трактор. Здесь начинается и кончается пьеса. Начинается утром, беспечно, в тишине. Ее зареда нарушают речные гулы. Они врываются в устойчивую атмосферу сонной одури, как злобные предзнаменования, сигналы трагического.

Отправил на палку, вошел Клуков. Рошел степенной, грузной походкой, точно глыба переваливается. Смотрит он исподлобья, туман, подвостерным взглядом, говорит не шепта, тиче, и слова его гонят пальцы, как глыбы. Он знает цену каждому из них и ни за что не променяет. Такую Клукова трудно переубедить, свинуть с места, но он идет упорно, несет весь спектакль по пятам наметенной жертвы. Преследует Ларису, как алая рок, у О. Абдулова ровная безучастность тона, и в ней — глухое сюжетное хищника, гнетущая скука жизни. Порой, однако, кажется, что скукает на Битров, а Абдулов. Слишком ровно он играет, в одной краске. Но играет по-своему.

Много в спектакле идет взврес с признатим. И это уже вызвало резкие нарекания и сетования. Кое-кто возмущался и именитым предкам театра, кое-кто сравнивал пьесу, в которой «знакомый» образ, как будто «поворот действия», с обстановкой комнаты и утапливая, что мебель в ней «по-русски» расставлена. Эта власть привычки отрезает путь к истинным. Она держит искусство замурованным или обернутым в вату бутарфорских устойчивости и предрасуков. Если раньше играли пьесу так — удовлетворительным достигнутым, а теперь выжимательный чтеп, а не живой, пытливым истолкователь пьесы, и актер должен играть ее в тон своем знаменитым предшественникам. Такая дурно понята традиция тянет к штампам.

Островский — верный спутник нашего театра, зато каждая эпоха выкалывала в свой отчеток на его пьесы, находила в них свое. Ведь в том-то и значении классики, что она допускает разные толкования. Каждый режиссер и актер ставят свои вопросы на мир. Павла, иногда эти намерения они осуществляли так, что походили на то военачальника, который, победив врага, потребовал у своих солдат короны. В данном случае это не так. Театр Революции ушел от рутинного Островского и не смогал его, а попытался вылететь в нем то главное, что волнует, что живет дольше всего во времени и не выветривлось до сих пор.

Театру очень помог Ю. Завальский. Мы еще судим о нем, как о мастере эффектных бездельных, которые маняли зрителей в тесный подвал на Сретение. Правда, там мы впервые встретились с талантливым В. Марешкой, Н. Морозовым, Р. Плятугом. Они ставили «Волги и Острова», «Ученик дьявола», зато эти задания были спланированы. Под занавес актриса «Школа неадаптивности» Верейкина пьеса забавная, но претит. Будем открываться, ставшая «Трагедия» в театре Моссельпрома не переменяла нашего мнения о Завальском. Он попрежнему оставался режиссером изобретательным, остроумным, хотя переменял стиль острот. Прежде они были изысканными, кокетливыми, теперь стали вызывающими и деркими. Но и только.

В «Бесприданнице» мы видим другого Завальского. Как углубился и возмужал его талант! Дело, конечно, не в тех великодушных мизансценах, которые так

широко рассыпаны по спектаклю, хотя и они врезались в память. Разве можно забыть одинокие выходы Ларисы или сцену примирения Паратова с Карандышевым, когда между двумя черными фигурами с боками шапачаевского в ружье сидит девушка в белом? И в конце она присутствует немимо при торге вонюх, когда Клуков и Волжатов мечут жребий — «оред или репка». Кому достанется? Дело, повторим, не в режиссерских находках, а в той жестокой страсти, которой охвачена сцена, в том крике души, изувеченной и поруганной, который прорезает зал и отзывается в сердце зрителя.

Труднейшую пьесу русского репертуара Завальский поставил свежо и смело. И зря его обвиняют в декадентстве. Как только на сцене — наметки, полтона, сразу вспоминают о Метерлинке и Солуево. Верно, Островского можно играть речче, жирнее. Но «Бесприданница» — наименее бытовая и самая «чеховская» из пьес Островского. Потому ее играют интимно, нежно. В то же время это утренняя пьеса, и в спектакле мелькают страшные тени Сухова-Кубылина. Они «оживают» на тему о борьбе увлеченности с рассулом, о пошлости, что губит человека, как на свою собственную тему. Сценным пьесного разгула и пыланиями, так сшннющей с пьесой, убранны за кулисы. Оттуда же доносится звуки вавилового колеса, которым забывают в антрактах. На виду остается драма в самом прямом смысле. Она преобладает в спектакле, ведет его к зрителью. Нет тут стилизации мнущегося. Вот и свеча, есе колеблющаяся пламя, разве это для освещения? Как и «сцена на сцене», это — всего лишь прием.

Страсти — это нетленное, нестареее в пьесе. И еще природа. Волга прежде всего. Она накладывает отблеск на людей и события. Как неприглядная и противоположная, она интонация городского пейзажа, как на свою собственную тему. Сценным пьесного разгула и пыланиями, так сшннющей с пьесой, убранны за кулисы. Оттуда же доносится звуки вавилового колеса, которым забывают в антрактах. На виду остается драма в самом прямом смысле. Она преобладает в спектакле, ведет его к зрителью. Нет тут стилизации мнущегося. Вот и свеча, есе колеблющаяся пламя, разве это для освещения? Как и «сцена на сцене», это — всего лишь прием.

Волга в спектакле — только элемент декорации. Драма ядет берегом, не переступая через обрыв. Мало трепетного ощущения Волги. Не волжского сопора, не волжского бита, а имени Волги, ее матежельно разлово и роковой, интригующей власти. Ощущение тревожащего от которого дух захватывает. К самому краю пропасти подползает Лариса, и у нее нехватит сил, как у Катерины в «Грозе», сканяться с рекой, вернуть ей свое горе. Смерть прятит землю, уродливо горбится бременчатый настил, и Волга сверкает, заливая все пространство. И что-то в ней «сквозит и тайно светит». Но еще не кружится голова, а надо, чтобы кружилась и чтобы трудно было перевести дух. Больше бы вышоты, дали и круж, откуда неудержимо тянет вниз и откуда страшно броситься Ларисе! Больше бы контраста между безграничным разлово реки и гнетущей ограниченностью того, что происходит на берегу!

В спектакле театра Революции заняты лучшие актеры, но славен он с низким. Не великий, но себе преданный С. Мартынов, которого в последнее время знают больше по французским песенкам на эстраде, в роли Карандышева, или М. Бабанова в роли Ларисы. Споры нет, Бабанова одна из самых примечательных актрис нашего времени, явление исключительное и нераскрытое до конца, но ведь ее уделом считались главным образом трагедия, инжине. А тут героиня... Сильным голосом и широкими жемтами. И как всегда в таких случаях, пускались в ход воспоминания и легенды о Фелотовой и Комиссаржевской: Бабанова, мол, нектати с ними тягаться.

Мы не видели Фелотову, но охотно предположим, что Бабанова играет совсем другую Ларису. Мелче героиню и тем не менее очень трогательную. От нее немет сердца. Ее бесконечно жалко. Театр имеет право и на такую Ларису, в которой больше обманутой детскости, чем оформившегося протеста. Ее дерзания, ее отчаянная любовь к Паратову подкалывают инстинктом, в них — покорность голосу страсти, а не осознанное действие. Это не значит, что Бабанова играет смиренную простушку. Лариса все видит, все понимает, но жизнь случается все карты. И она в растерянности, хотя где-то искрой мерзает надежда: а вдруг выйдет, как хочется? Лариса знает одну мечту, одну власть, одно страдание. Это несчастная любовь к Паратову. И отсюда презрение к окружающим пошлости. Ее обреченность — с самого начала. Ее обреченность — с самого начала. Она не стесняется в начале пьесы. Отсюда непоколебимое одиночество. Лариса смотрит много людей.

Бабанова знает одну мечту. Она выводит сверху и безмолвно опускается на скамейку, лицом к реке. Дотю дитесь ее молчанья. Затем первая, выжужающая слова: «А я сейчас за Волгу смотрела». Между слов, где-то далеко — за Волгой витает ее невысказанная мечта. Она недоумевает, оставляет в себе самое дорогое. Обреченность с Карандышевым. Лариса нервно парадает концом зонта ска-

мейку и говорит укоризненно: «Умейте это понять». И знает, что не поймет, но не приказывает, а просит. Оправывается в белом вельсе, которое шло от горя. У нее нет пощадки к себе и нет раскаяния. «Я стою на распутье, поддерживайте...» И берет Карандышева под руку, аная, что нет в нем для нее поддержки. Отдаленный выстрел пушки выводит ее из забвения. Она испуганно восклицает: «Что это?» И расстут, случаются беспорядочные предчувствия.

Лариса торкует по любви, настоящей, большой любви. Тоскует, как о чем-то несбыточном. «Когда меня будут любить?» И не верит, что придет такое счастье. Она ходит, пошатываясь, усталая от всего, что было. И тут встает паратов. Он правильно обставил художник В. Димитриев. Разная смесь красного с зеленым, полупрозрачные лилав и ширма, на которую небрежно брошен пестрятый платок. Лариса оставалась, голова запрокинуто, она оперлась на ширму одной рукой, а другая повисла. И вся она обвисла. Белое платье выделяется на узорчатом фоне пьесы. Паратов сириваивает, как демон-искуситель: «— Вы меня еще любите? — Конечно, да, нечего и спрашивать? — И нам паратов, что вопрос был лишний. Ведь Паратов для нее все она боится его, вернее, себя боится и летит на огонь, как бабочка».

Лариса поет романс. Раз пьесное пение, значит низкий грузной голосок. А у Бабанова тихий, шепелящий голосок, но в нем столько души и прелесть, что на глаза навертываются слезы. В романсе все ее судьба. Она подчинила ее Паратову. И с ним она в последний раз едет за Волгу, хотя вовсе не убеждена, что там будет исход ее страдания. Она бежит от мезалья вrole Карандышева, и если кругом нее, малелькой и хрупкой, лет больших людей, на кого можно бы опереться, то их хочется забыться хоть на время: их, была-не была... И вот последний, решающий удар. «Я обречена», — говорит Паратов. Долгая пауза. «Зачем же вы молчали?» Это не возмущение, а упрек. Слезы душист ее. Опять обнули, погнувшись, дал самым светлым. Теперь, после прощания, и вовсе нет выходов, одинокое свечение — смерть. Выстрел Карандышева. Она падает тихо, без крика. Но тут надо бы чуть больше волнения. Смерть для Ларисы — счастливое избавление, а не примирение со всем, что было. И хотя эта смерть не от своей собственной руки, но это все же вызов судьбы. И есть в нем нечто возмущенное, претвляющееся. Лариса всю жизнь, как птица в клетке. И пускай она беспощадно ищет выхода на волю, бьется о стекло, если не может сломать дверь.

Трудно пришлось М. Астапову. Роль Паратова не в его данных. Он непохож на русского помещика, нет в нем бременчатой стати, плавности. Это скорее бременчатый неорусского склада. Он ближе всего к тому революционному складу, когда лично выбирает пулей монету из рук любимой девушки. И хотя есть в нем обаяние мужества, но той нежной Ларисе, какую играет Бабанова, не полюбит Астапово ведет себя умпо, но трудно сказать, любит ли его Паратов Ларису или притворается, бравирует своей властью? У него ведь ничего заветного нет...

Карандышев тоже не любит Ларису. И у него «арифметика вместо души». Но только тут расчет не денежный, а расчет самоолюбия. Он ищет награду за все унижение и обиды. И когда она улыбаец из его рук, когда он теряет право собственности, уходит всякий контроль расулка. Карандышев стон,halbobуив порядок, о желтооочном волосам. Теперь, после прощания, и вовсе нет выходов, одинокое свечение — смерть. Выстрел Карандышева. Она падает тихо, без крика. Но тут надо бы чуть больше волнения. Смерть для Ларисы — счастливое избавление, а не примирение со всем, что было. И хотя эта смерть не от своей собственной руки, но это все же вызов судьбы. И есть в нем нечто возмущенное, претвляющееся. Лариса всю жизнь, как птица в клетке. И пускай она беспощадно ищет выхода на волю, бьется о стекло, если не может сломать дверь.

Паратов выдает Робинзона. Он актер, и его настоящая фамилия Стаслянский. Д. Орлов мог соблазнить одним из многих революционных складов, но после способа к прусту. Его Робинзон, в которой больше обманутой детскости, чем оформившегося протеста. Ее дерзания, ее отчаянная любовь к Паратову подкалывают инстинктом, в них — покорность голосу страсти, а не осознанное действие. Это не значит, что Бабанова играет смиренную простушку. Лариса все видит, все понимает, но жизнь случается все карты. И она в растерянности, хотя где-то искрой мерзает надежда: а вдруг выйдет, как хочется? Лариса знает одну мечту, одну власть, одно страдание. Это несчастная любовь к Паратову. И отсюда презрение к окружающим пошлости. Ее обреченность — с самого начала. Ее обреченность — с самого начала. Она не стесняется в начале пьесы. Отсюда непоколебимое одиночество. Лариса смотрит много людей.

Бабанова знает одну мечту. Она выводит сверху и безмолвно опускается на скамейку, лицом к реке. Дотю дитесь ее молчанья. Затем первая, выжужающая слова: «А я сейчас за Волгу смотрела». Между слов, где-то далеко — за Волгой витает ее невысказанная мечта. Она недоумевает, оставляет в себе самое дорогое. Обреченность с Карандышевым. Лариса нервно парадает концом зонта ска-

Обсуждение произведений

НА СОБРАНИИ НОВЕЛЛИСТОВ

Недавно в издательстве «Советский писатель» вышла из печати первая часть романа Ос. Черного «Музыканты».

Большинство участвовавших в обсуждении говорили не только о прослушанных отрывках, но и о первом томе. Многим, в том числе А. Роскину, С. Гехту, П. Слетову, С. Бондарину, роман нравится.

Ос. Черный превосходно знает среду, о которой пишет. Он точно видит цели и пути каждого из своих героев. Его музыканты — живые советские люди, которые любят, страдают, трудятся, живя в мире искусства.

В прениях участвовали также В. Гроссман, С. Нагорный, Л. Остров, И. Арамитов, В. Бобрышев и В. Ковалевский.

НОВЕЛЛЫ

ЭФФЕНДИ КАПИЕВА

МАХАЧ-КАЛА. (Наш корр.) Эфенди Капиев написал цикл повел под общим названием «Поэт».

Сулейман Стальский в повелках Капиева — самый обыкновенный человек, рядовой колхозник, скромный житель горского аула.

Приехав в Дагестан, Эфенди Капиев и другие местные писатели и лица, близко знавшие Сулеймана, прочли часть своих повел.

С положительной оценкой повел выступил Мусаев Стальский, художник М. Дьямов, Роман Фатиев, народный поэт Гамзат Падасса и другие.

СУББОТЫ

«СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

НОВОСИБИРСК. (Наш корр.) В клубе писателей и журналистов еженедельно устраиваются литературные субботы «Сибирских огней».

Субботы «Сибирских огней» внесли большое оживление в литературную жизнь области.

ТВОРЧЕСТВО МАРИИ МИРОНЕЦ

КНДБ. (Наш корр.) Очередное заседание президиума ССН Украины было посвящено творческому отчету колхозной поэтессы Марии Павловны Миронец.

Выступившие в обсуждении гг. Гордоской, Усенко, Коидратенко, Воскресенко, Федер и другие говорили о народности и художественной простоте.

Президиум принял решение в ближайшем времени провести творческие вечера Марии Миронец в Киевском клубе писателей и в с. Броварах.

ПЕРЕВОДЫ

МАХТУМ-КУЛИ

Поэт Марк Тарловский читал недавно в клубе писателей переводы стихов Махтум-Кули.

При обсуждении переводов А. Ромм высказал мнение, что восприятие русским читателем переведенных стихов по своей трудности не адекватно восприятию оригинала.

СТИХИ

ХУЗАГЯ

Недавно состоялось заседание чувашской секции ССП, на котором обсуждалось творчество поэта П. Хузагя.

Особенно понравились слушателям сжатые стихи как по своей композиции, так и по выукности образов.

Творческий вечер В. Бианки

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.) В гостиничном Доме писателя им. Маяковского состоялось творческое мероприятие.

Выставка произведений была приурочена к творческому вечеру В. Бианки.

В связи с исполнением 20-летия Советского Дагестана, уком Президиума Берховского Совета ДагССР награждены почетными грамотами писатели.

В связи с исполнением 20-летия Советского Дагестана, уком Президиума Берховского Совета ДагССР награждены почетными грамотами писатели.

КНИГИ

«НИЗАМИ»

В Баку вышла из печати вторая книга научно-исследовательского альманаха «Низами» на русском языке.

Помимо научно-исследовательских статей, в альманахе напечатаны отрывки из поэмы Низами «Хосров и Ширин».

«РЕГИН, ГОРЬКИЙ, МАЯКОВСКИЙ, БРЮСОВ»

Вышла книга воспоминаний К. Чуковского о Регине, Горьком и Маяковском.

«СТАТЬИ ОБ ИСКУССТВЕ»

В издательстве «Искусство» вышел сборник статей А. В. Луначарского об изобразительном искусстве.

«В стране чудес». Писательница О. Кротова больше года работала над материалами Весовой о сельскохозяйственной выставке.

«Опыт исследования бурят-монгольского стихосложения». Под общим названием Государственного научно-исследовательского института языка, литературы и истории в Улан-Удэ.

«Лев Толстой и Сибирь». Красноярский писатель-краевед Е. И. Владимирова слал в печать книгу «Лев Толстой и Сибирь».

«Терлан». Отдел художественной литературы Азербайджана (Баку) выпустил новый роман Мехти Гусейна «Терлан».

Для изучающих международные отношения и историю капиталистических стран Политиздат готовит к изданию ряд оригинальных и переводных книг.

«Япония в эпоху общего кризиса капитализма». Эта книга У. Хаямы посвящена внутривосточной истории страны.

«Годы подвига и упадка». В. Минтона и Р. Стюарта представляет собою исследование по истории США в эпоху между первой и второй империалистическими войнами.

«Британский империализм в Баку и Персии». Автор книги — активный участник интервенции англичан в советский Азербайджан.

НАГРАЖДЕНИЕ ГРАМОТАМИ

В связи с исполнением 20-летия Советского Дагестана, уком Президиума Берховского Совета ДагССР награждены почетными грамотами писатели.

В связи с исполнением 20-летия Советского Дагестана, уком Президиума Берховского Совета ДагССР награждены почетными грамотами писатели.

Новое в работах пушкинистов

И покрывает пылью снежной Седой бороной воротник. В прениях, в которых приняли участие М. Пявловский, С. Бонди, В. Шкловский, И. Андроников, М. Левилов, Т. Зенгер и другие.

Тема доклада И. Фейнберга — работа над «Онегиным». Исследованы варианты «Онегина», опубликованные в академическом издании романа.

К замечательным стихам, которые мы помним с детства, — «Мороzano пылью серебрится его бороной воротник».

В прениях по докладу И. Сельвинского принимали участие В. В. Вересаев, А. Б. Лерман, М. А. Пявловский, И. А. Номик, М. В. Загорский, С. Бонди, А. Ромм и др.

ИНТЕРЕСНОЕ НАЧИНАНИЕ

ВОРОНЕЖ. (Наш корр.) Уже в течение двух лет в альманахе «Литературный Воронеж» и в харьковском «Литературном журнале» печатаются взаимные переводы и рецензии воронежских и харьковских писателей.

Недавно Воронеж посетила группа харьковских писателей — Халченко, Байбура, Ключа, Общественность Воронежской области встретила харьковских гостей.

Воронежские и харьковские писатели провели также совместное выступление радио о чтении своих новых произведений.

Перед отъездом гости передали воронежцам приглашение посетить, в ближайшие месяцы Харьков, чтобы познакомиться с опытом творческой работы коллектива харьковских писателей.

Встречи партактива с писателями

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.) Отдел пропаганды и агитации Куйбышевского района ВКП(б) регулярно проводит встречи партийного и комсомольского актива с ленинградскими писателями.

В декабре в Берховском зале Большого театра будут исполнены две новые литературно-музыкальные композиции.

«ДВЕ ПРЕМЬЕРЫ»

Чтен Московского филармонического общества выступит на днях с литературно-музыкальной композицией «Декабристы».

«ЧЕБОНСАРЫ». Чувашские писатели А. Калган и В. Алагер написали по классической поэме К. В. Иванова «Нароши».

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

28 декабря Московский ИОЛИИ организует заседание, посвященное чествованию доктора филологических наук, проф. Н. К. Гудзия.

«ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ»

Уважаемый товарищ редактор! Разрешите через вашу газету выразить сердечную благодарность всем партийным и советским организациям, а также отдельным товарищам.

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

Новое в работах пушкинистов

И покрывает пылью снежной Седой бороной воротник. В прениях, в которых приняли участие М. Пявловский, С. Бонди, В. Шкловский, И. Андроников, М. Левилов, Т. Зенгер и другие.

Тема доклада И. Фейнберга — работа над «Онегиным». Исследованы варианты «Онегина», опубликованные в академическом издании романа.

К замечательным стихам, которые мы помним с детства, — «Мороzano пылью серебрится его бороной воротник».

В прениях по докладу И. Сельвинского принимали участие В. В. Вересаев, А. Б. Лерман, М. А. Пявловский, И. А. Номик, М. В. Загорский, С. Бонди, А. Ромм и др.

ИНТЕРЕСНОЕ НАЧИНАНИЕ

ВОРОНЕЖ. (Наш корр.) Уже в течение двух лет в альманахе «Литературный Воронеж» и в харьковском «Литературном журнале» печатаются взаимные переводы и рецензии воронежских и харьковских писателей.

Недавно Воронеж посетила группа харьковских писателей — Халченко, Байбура, Ключа, Общественность Воронежской области встретила харьковских гостей.

Воронежские и харьковские писатели провели также совместное выступление радио о чтении своих новых произведений.

Перед отъездом гости передали воронежцам приглашение посетить, в ближайшие месяцы Харьков, чтобы познакомиться с опытом творческой работы коллектива харьковских писателей.

Встречи партактива с писателями

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.) Отдел пропаганды и агитации Куйбышевского района ВКП(б) регулярно проводит встречи партийного и комсомольского актива с ленинградскими писателями.

В декабре в Берховском зале Большого театра будут исполнены две новые литературно-музыкальные композиции.

«ДВЕ ПРЕМЬЕРЫ»

Чтен Московского филармонического общества выступит на днях с литературно-музыкальной композицией «Декабристы».

«ЧЕБОНСАРЫ». Чувашские писатели А. Калган и В. Алагер написали по классической поэме К. В. Иванова «Нароши».

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

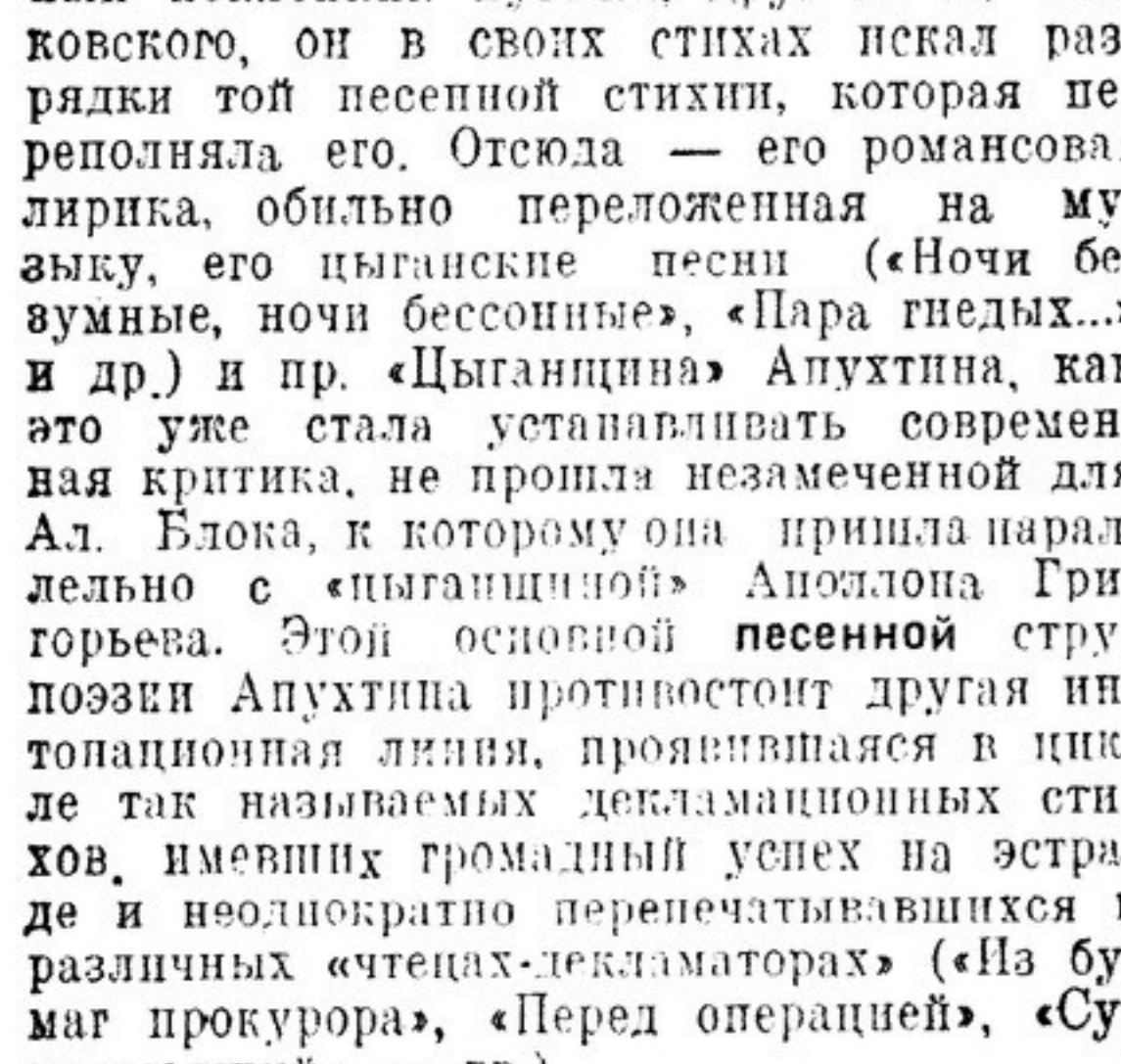
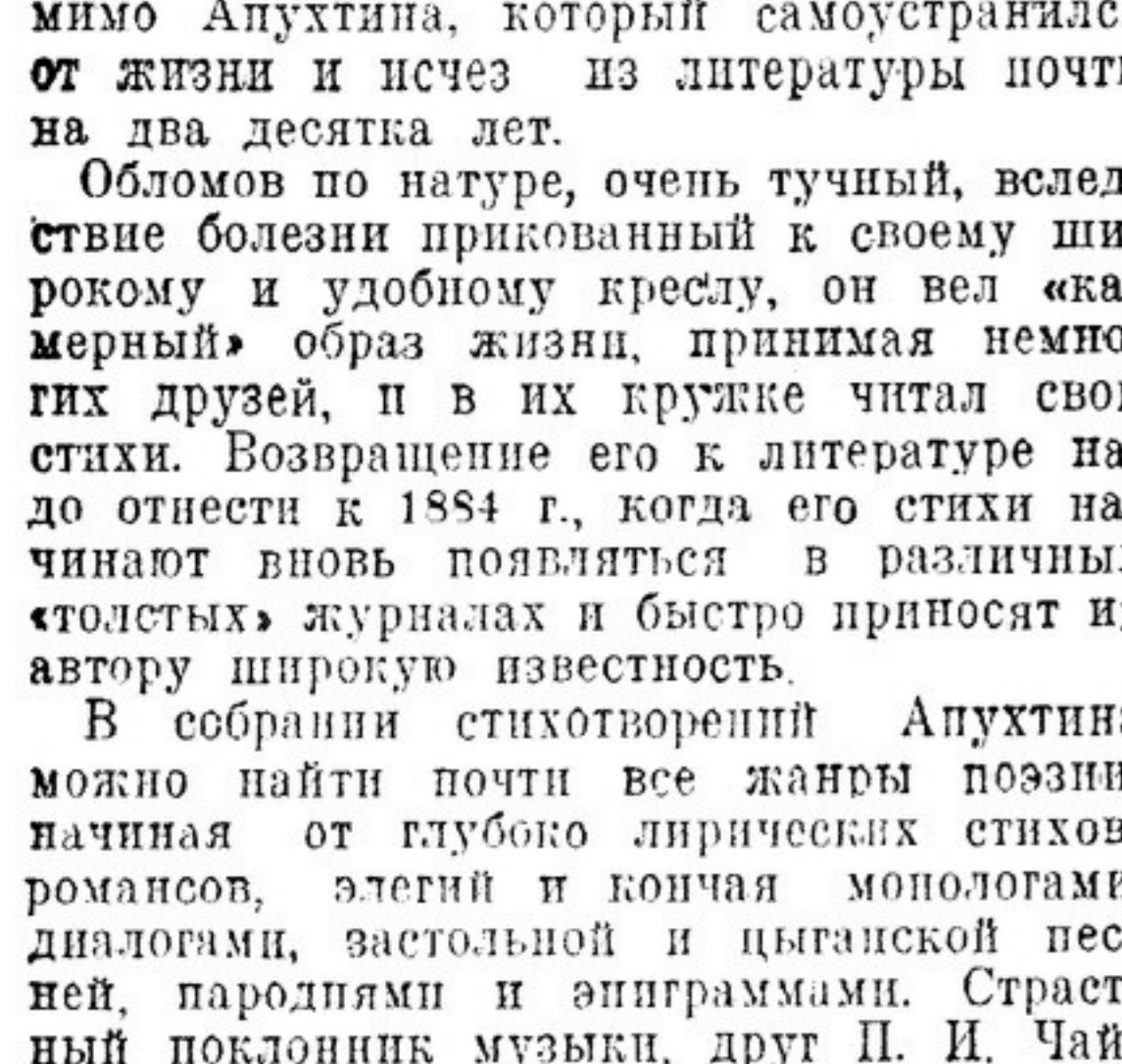
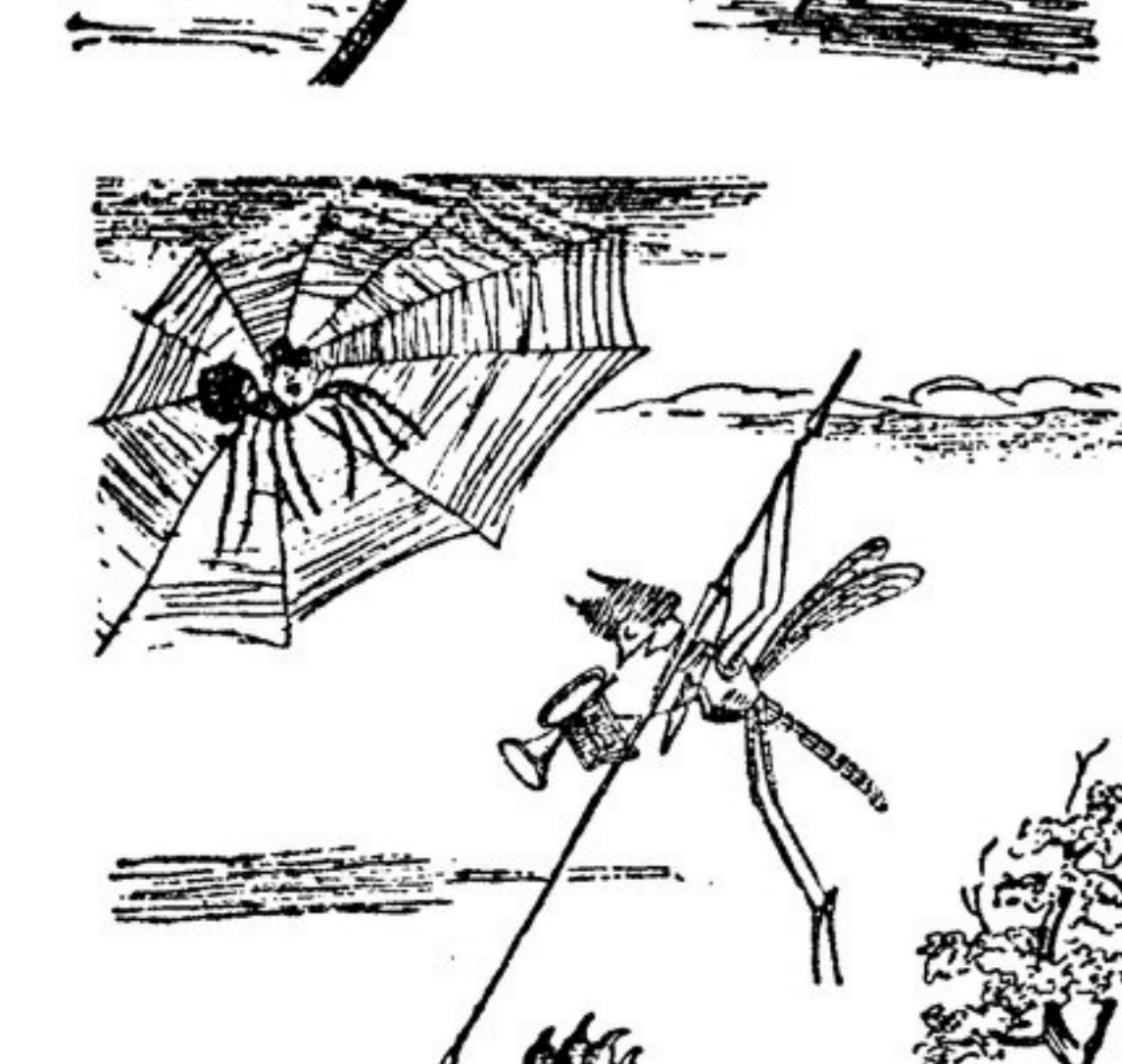
«ИЗВЕЩЕНИЕ»

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

«ИЗВЕЩЕНИЕ»

Литературная газета 6 № 62